

ОТЕЦ
МОЕГО
ЖЕНИХА

ТОРИ ОЗОЛС

Тори Озолс
Отец моего жениха

«Тори Озолс»

2026

Озолс Т.

Отец моего жениха / Т. Озолс — «Тори Озолс», 2026

Я должна была стать женой его сына. Войти в семью Новицких, получить красивую фамилию, роскошную жизнь и сказку, в которую почти поверила. Пока не встретила его – моего будущего свёкра. Он старше, опаснее и влиятельнее любого мужчины, которого я знала. Миллиардер, привыкший покупать, ломать и забирать всё, что считает своим. А теперь его взгляд остановился на мне. Не как на невесте сына, а как на женщине, которую он хочет присвоить. Он унижает меня своей властью, пугает своими желаниями и шаг за шагом загоняет в ловушку, из которой невозможно выйти чистой. Потому что Владиславу нужна не просто любовница, а женщина, которая ему родит наследника. Но движет им в первую очередь месть. А хуже всего то, что рядом с ним я всё реже чувствую страх, а чаще — желание.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тори Озолс

Отец моего жениха

Пролог

Он сидел в кожаном кресле в своем кабинете, крепко сжимая в руке бокал виски. Даже глоток этого жгучего напитка не смывал горечи, боли и бешеной ненависти, что сегодня поселились в его душе.

Голос доктора, полный неискреннего сочувствия, звучал где-то рядом, будто фоновый шум. Его слова, советы, заверения – все это больше ничего не значило. В душе царил пустота, потому что последняя иллюзия счастья только что разбилась вдребезги. И разбила её вовсе не судьба, а его законная жена – женщина, которой он когда-то доверил дом, фамилию и будущее семьи.

– Господин Новицкий, я понимаю, как вам тяжело. Это серьёзное потрясение... Но ваша жена жива, и у вас растёт здоровый сын.

Владислав Новицкий, владелец международного холдинга, лишь скривился и сделал ещё один глоток.

Сын.

Эта сука вложила ему в руки не сына, а чужого птенца – как кукушка, подкинувшая незаконного ребёнка в чужое гнездо.

Пять лет он жил с этой ложью, уверенный, что растит собственного наследника. Прощал этой дряни все, ведь она мать его ребенка. Пять лет гордился мальчиком, давал ему лучшее. А потом... всё рухнуло.

Пару месяцев назад он случайно увидел, как его «жена» трахалась с охранником в туалете на первом этаже – дешёвая сцена, достойная топ-3 на сайте порнографии.

Чёрт возьми, ему было плевать, кто оказался между её ног. Он сам давно не ложился с ней в постель. Но во время их кутежа он услышал необычный разговор... И именно он уничтожил весь смысл жизни Владислава.

– Представляешь, Максим? Наш «сын» станет наследником империи Новицких. Сын охранника – будущий миллиардер, – она рассмеялась презрительно, но смех утонул в её сладострастных столах, просачивающихся сквозь тонкие стены уборной.

Оля стонала дерзко, развратно, громко – так, будто хотела, чтобы весь мир услышал, кто драл ее тело.

– Единственное, за что можно поблагодарить твоего мужа, так это за его фамилию. Только она позволяет мне не блевануть от мысли, что ты спишь с ним.

– Уже давно не сплю. И тогда это было нужно, – выдохнула Оля уверенно, почти оправдываясь перед самой собой. – Он должен был поверить, что ребёнок – его. К счастью, в ту ночь он был настолько пьян, что ничего не заметил. И даже если бы заподозрил... кровь на простыне стала бы отличным доказательством моей «невинности». Иначе он мог потребовать ДНК-тест.

Её вздохи сливались с тяжёлым, грубым дыханием Максима, не оставляя сомнений в момент чего происходит этот разговор. А слова, произнесённые между поцелуями, хрипами и толчками, звучали слишком цинично, грязно, искажённо. Как плевок в его доверие. В воздухе висел липкий, тягучий, отвратительный аромат, а Владислав стоял перед дверьми, провалившись словно в ад, обречённый слушать, как его жена стонет в чужих руках, как последняя дешевая проститутка.

– Я ревную, Оля, – тяжело выдохнул Максим. Его голос стал мягким и прерывистым от физического напряжения. – И мне это адски больно.

– Не надо. Я только твоя. Я люблю тебя до безумия. Мне нужен только ты... и наш сын.
– И его деньги, – бросил мужчина сухо.

– Конечно, – подтвердило это ничтожество холодно, без малейшего колебания. – Когда наш сын вырастет и вступит в права наследника, мы позаботимся о Владиславе. Он исчезнет навсегда.

Снаружи Владислав выглядел абсолютно спокойным, но внутри его разрывал сокрушительный ураган ненависти. Пальцы сведены в кулаки до боли – он едва удерживал себя от того, чтобы ворваться внутрь и разорвать предателей на месте. Но холодный разум всё же взял верх. План их уничтожения уже созрел в голове.

Он беззвучно отступил от дверей уборной, вернулся в дом, собрал всю прислугу в гостиной и спокойно, без эмоций, отдал чёткие приказы на счет того, как отныне нужно вести себя с «хозяйкой».

И только после этого поднялся в её спальню... и сел ждать её возвращения.

Когда Ольга вошла в свою комнату, её шаги мгновенно оборвались, потому что она заметила мужа. Он сидел в глубоком кресле у окна, погружённый в полумрак, словно хищник, затаившийся перед прыжком. Медленно поднял голову и встретил её настороженный взгляд. С напускным спокойствием, под поверхностью которого сквозила тёмная, кипящая угроза.

Она застыла, ощутив холодок страха. Горло неожиданно сжала невидимая рука. Муж почти никогда не заходил в её комнаты – у них с самого начала были отдельные спальни. Так было проще. Удобнее. Его появление здесь выглядело как вторжение на запретную территорию. И это было не к добру.

– Что... что ты здесь делаешь?.. – прошептала она. Голос дрогнул, будто внутри уже все предупреждало об опасности.

Он поднялся. Один медленный шаг. Второй. И внезапно – пощечина. Её тело отбросило назад. Щека вспыхнула огненной болью. Она пошатнулась, вцепилась дрожащей ладонью в пылающую кожу. Глаза широко раскрылись, от скользящих в них паники и шока.

– Шлюха, – произнёс он тихо, но в его голосе звенел чистый яд. – Думала, я никогда не узнаю? Что сможешь подсунуть мне своего ублюдка и выдать за наследника?

– Владислав... это неправда! Тебя обманули! Это... клевета... – Она пыталась собраться, но каждое слово звучало слабее прежнего.

– От тебя все еще разит сексом. Ты даже не удосужилась принять душ, прежде чем вернуться домой. – Он шагнул ближе, наклонился к её уху. – Ты трахалась с ним, как настоящая сука в течке.

Он схватил её за руку и резко швырнул на кровать. Матрас жалобно скрипнул от удара. Она распласталась, глядя в потолок, словно зверь, загнанный в угол.

– Не смей больше врать, Оля. Меня тошнит от тебя. Но я не бойся, пока я не трону тебя. Нет, я сделаю кое-что другое. Просто разрушу все твои надежды на мое состояние.

Он отвернулся. Подошёл к двери, положил руку на ручку и, не оборачиваясь, произнёс:

– Отныне тебе запрещено покидать эту комнату. Охрана дежурит круглосуточно. Ты не увидишь сына. Слуги слушаются только меня – для них ты больше не хозяйка этого дома.

– Пожалуйста... не трогай Олега, – прошептала она, стискивая пальцы до белизны. – Он ни в чём не виноват... Он любит тебя. Для него ты – герой... пример...

Он медленно оглянулся. Взгляд его оставался пустым и безучастным к её просьбам.

– Заткнись. Ты не имеешь никакого права что-то у меня просить.

Он сделал паузу.

– Ты останешься здесь до тех пор, пока я не удостоверюсь, что ты не беременна от своего любовника. И молись, чтобы это оказалось не так. Потому что если будет иначе... я позабочусь, чтобы всё закончилось быстро.

– Но Олег... – её голос сорвался.

– Этот мальчик никогда не станет моим наследником. Я тебе это обещаю.

Ольга сидела у окна своей комнаты, которая теперь больше напоминала тюрьму, чем спальню жены миллиардера. Она находилась под замок, в четырех стенах. Её больше не выпускали без разрешения Владислава даже в гостиную.

Слуги, которые приносили еду, отводили глаза. Охрана менялась каждые несколько часов, молча, словно её больше не существовало. Ни один из них не смел нарушить приказы Владислава Новицкого.

Она больше не была хозяйкой этого дома.

Она была просто женщиной, попавшей в немилость.

Хуже всего – ей запретили видеться с Олегом.

Её мальчик. Её сынок. Как он там без нее? Его даже к двери не приводили, сколько бы она не умоляла об этом.

Она не знала, где он сейчас. Как он. Ест ли. Спит ли. Обнимает ли его кто-нибудь по ночам. С ним ли его няни?

Каждый день её взгляд скользил к двери – в надежде услышать хоть одно слово, хоть намёк. Но никто не отвечал ей.

Владислав не появлялся почти две недели. Но Ольга знала – он выжидал. Холодно, методично, как охотник в засаде. Он не торопился. Вчера закончились её месячные, и страх накрыл новой, удушающей волной. Она была уверена – слуги уже передали ему эту деталь. Ее тело напряглось, как перед ударом. Напряжение в груди сжимало сердце. Предчувствие было настолько четким, что казалось физической болью.

Она понимала: если сдастся, если позволит ему приблизиться, взять ее, то ее сын погибнет. Владислав сотрет Олега с лица земли. Она даже не надеялась, что он просто отправит его подальше. Нет, она не ждала такого милосердия со стороны Новицкого. Ни в какой реальности он не позволит мальчику носить его фамилию.

Но то что он придет к ней, она чувствовала всем существом, каждой клеточкой тела. И это в итоге случилось.

Дверь в смежную комнату распахнулась без единого стука.

В проёме появился его силуэт – спокойный, непринуждённо уверенный. На нём был лишь дорогой тёмный халат, запахнутый не до конца. А на лице – та самая жестокая, холодная улыбка, которую она увидела в тот день, когда он узнал об измене.

Ольга резко вскочила, обхватив себя руками, будто щитом, инстинктивно закрывая самое уязвимое. Владислав остановился, оценивая её взглядом – медленно, придирчиво, безжалостно. Так смотрят не на человека.

Так смотрят на собственность.

– Влад... прошу тебя, давай поговорим... – её голос дрожал, но она всё же смогла выговорить слова. – Мы же так долго в браке.

– Наконец-то вспомнила, что ты моя жена? – его голос был спокойным, почти лениво-насмешливым. – Пора исполнять свой долг.

– Я... я плохо себя чувствую... дай мне несколько дней... я слаба...

– А с этим вонючим охранником ты себя прекрасно чувствовала, верно? – его глаза сузились. – Хотя... ему уже больше нечего чувствовать.

– Что?.. – её голос сорвался на высокой ноте. Тело сковал ледяной ужас.

– Тебе не сказали? – он сделал шаг вперёд, голос стал мягким, почти издевательски заботливым. – Два дня назад он попытался сбежать с украденными деньгами. Погиб при задержании.

Максим мёртв. Его больше нет.

Ольга замерла – и не поверила. Не смогла.

Нет.

Нет.

НЕТ!

Крик сорвался с её губ. Она бросилась на Владислава, как раненный зверь. Била его кулаками в грудь, кричала, срывая голос:

– Это ты его убил! Ты! Ублюдок! ТЫ ЕГО УБИЛ!

Её дрожащее тело корчило от рыданий и бешенства, а он... он просто стоял и смотрел на неё всё с той же хищной улыбкой.

– Ненавижу тебя! – закричала она, голос захрипел от крика. – Ты чудовище!

– Успокойся, шлюха, – его голос разрезал воздух, как удар кнута.

А затем оплеуха, которую Ольга не ожидала. Не удержав равновесие, она упала на кровать. Когда он наклонился над ней, придавливая своим телом, она отчаянно закричала, заби-лась, хотя силы были не равны.

– Отпусти меня! Не смей!.. – её голос был криком отчаяния, но для него он звучал всего лишь как фон.

Он не слушал.

В его глазах не осталось ни жалости, ни сомнений – только хищная, ледяная жажда подчинить, уничтожить, наказать. Ее ночная рубашка сползла с плеч под его грубыми руками. Унижение обжигало сильнее, чем прикосновения.

Он молчал. Его взгляд скользил по ней без страсти, без спешки – холодно, отстранённо, как по вещи, которую можно сломать и забрать себе.

Она боролась из ненависти к нему, потому что она всегда его ненавидела. За деньги и власть. За холодный расчет. За то, что он никогда не воспринимал ее всерьез. Не любил ее. Не так как Максим. Владислав крепко держал ее запястья, почти безразлично. Даже ее укус на него не сработал.

– Ты не имеешь права... – прошептала она сквозь слёзы, в последней, отчаянной попытке остановить своего противника хотя бы словом.

Но в ответ раздался тихий, выверенный, ядовитый шёпот:

– Как раз я имею все официальные права в отличие от того охранника. Но сейчас ты для меня не жена. Только сосуд для моего ребёнка.

Он взял то, что хотел. Выполнил свою месть, даже не причинив ей боли. Несмотря на все ее сопротивление и то, что она отвернула от него лицо, ее тело приняло его, как полагается.

Ярость сжигала Олю изнутри. Она мысленно считала его толчки, в надежде, что он не продлится долго, но мерзавец был неуголим. Она не считала это супружеским долгом, а всего лишь актом. Актом порабощения, от которого мутнело в глазах.

Владислав больше не был тем мужем, которого она знала в первые годы брака. Когда-то он был холодным, сдержанным, держал расстояние. Даже в близости он оставался молчаливым, отстранённым – но не жестоким.

Теперь перед ней стоял другой мужчина.

Дикий. Грубый. Непоколебимый. Он двигался внутри нее, не слыша ее, не видя в ней человека – лишь инструмент, средство мести. Его руки сжимали ее запястья, тело двигалось ритмично и безжалостно, и с каждым новым движением она чувствовала, как что-то глубоко в ней ломается окончательно.

А затем всё внезапно оборвалось.

Он замер, глухо выдохнул, и её тело пронзило жгучее, унижительное тепло, которое она ненавидела каждой клеточкой.

– Вот так все и должно быть, – прошептал он ей в ухо, и на его губах мелькнула хищная, звериная ухмылка. – Ты на своём месте.

После той ночи были другие. Подобные. Они слились в сплошную череду, где терялось ощущение времени.

Владислав держал её запертой почти месяц. Появлялся без предупреждения – в любое время, когда вздумается. Брал её, но уже без сопротивления. Ольга сдалась. Она больше не была человеком для него. Просто тело. Сосуд. Цель.

Он вёл войну, в которой собирался выиграть. Стремился уничтожить её изнутри – морально, физически, полностью. Хотел оставить в ней след.

И в прямом смысле – сделать её беременной.

И когда месячные не наступили, он оставил ее в покое. По крайней мере физически. Только приказал привести врача.

Когда беременность подтвердилась, он впервые за долгое время улыбнулся. Его глаза сияли удовольствием. Настоящим триумфом. Он считал себя победителем.

А вот Ольга не чувствовала ничего. Только страх. Страх за то, что этот ребенок станет смертным приговором для ее настоящего ребенка. Для Олега. Владислав мог бы простить измену, но не предательство и ложь про сына. Он не допустит существования другого наследника. Он выжмет из нее все, а потом уничтожит все, что еще имеет для нее ценность.

Она должна была действовать. Предотвратить это.

Никто так и не смог точно сказать, что произошло дальше. Одни уверяли, что всё выглядело как нелепый несчастный случай. Другие шептались, что Ольга не выдержала и у неё случился нервный срыв. Но истинная причина была куда страшнее и глубже, чем любые слухи. Она сделала это специально.

Одна из прислуг ошиблась и поверила ей, а Ольга воспользовалась ситуацией и выскочила за дверь. Все случилось так быстро, что никто не успел среагировать, когда она уже вырвалась на улицу. Холодный воздух обжег кожу, но это ее не волновало. Рубашка липла к телу, волосы хлестали по лицу, а сердце стучало так громко, что, казалось, вырвется из груди.

В этот момент ворота начали медленно разъезжаться в стороны – на территорию въезжал внедорожник. Врач, которого вызвали для осмотра. Свет фар прорезал темноту, выхватывая из мрака каменную дорожку, кусты, её силуэт.

И тогда она сделала свой выбор.

Она не остановилась. Она бросилась прямо под машину – молча, без малейшего сомнения. Все произошло за доли секунды: металлическое тело внедорожника врезалось в нее на полном ходу, лобовое стекло разлетелось трещинами. Ее тело взлетело в воздух, перевернулось через капот и глухо ударилось об асфальт, свернувшись в неестественной, жуткой позе.

Водитель нажал на тормоза слишком поздно. Только после того, как все произошло.

Крики. Паника. Слуги выбегали из дома. Врач сорвался с пассажирского сиденья и побежал к ней, уже зная: шанс был минимальный. Ольга почти не двигалась, ее белая рубашка быстро пропитывалась красным.

Позже, в больничной палате, наполненной запахом антисептиков и стерильного отчаяния, врач смотрел на Владислава тем взглядом «сочувствия», который тот воспринимал как дешевую попытку сыграть человеческую эмоцию.

– Мне очень жаль, – тихо произнёс врач. – Ваша жена потеряла ребёнка. И... она больше не сможет ходить. Сильное повреждение спинного мозга. Состояние тяжёлое, но стабильное. Ей потребуется долгая реабилитация и постоянный уход.

На несколько секунд в палате повисла гробовая тишина. Вселенная, казалось, вынесла приговор. Жестокий. Необратимый.

Она захотела убить его ребёнка – и в итоге осталась в теле, которое стало тюрьмой.

Владислав лишь слегка кивнул. Без единой эмоции. Маска убитого горем мужа мягко легла на его лицо, словно хорошо выученная роль.

Пусть окружающие думают, что он сломлен.

Пусть жалеют.

Пусть протягивают руки поддержки.

Он примет это. Он сыграет безупречно свою роль заботливого мужа, потому что настоящее наказание для Ольги только начиналось. Придет время и она заплатит по всем счетам трехкратно.

Глава 1

– Папа, познакомься... Это моя будущая жена. Эва Ершова.

Голос Олега прозвучал слишком уверенно – настолько, что эта уверенность выдавала напряжение. Он стоял на пороге отцовского кабинета вытянутый, как натянутая струна, с едва заметной дрожью в пальцах. Его ладонь крепко держала тонкую руку девушки, будто он искал в ней опору. И всё же в глазах – даже за смелостью и вызовом – горел тот самый страх. Страх быть отвергнутым. Страх, который Владислав научил его испытывать еще в детстве.

– Мы уже всё решили, – продолжил Олег, стараясь не пересохшими губами. – Подали заявление в ЗАГС. И скоро... поженимся.

Тишина накрыла кабинет, будто плотная пелена. Воздух стал вязким, натянутым, как перед грозой.

Владислав медленно поднял взгляд от документов. Его движения были привычно спокойными, почти ленивыми – человек, который привык, что мир слушается его тембра, а не наоборот. Но сейчас... его взгляд задержался.

Перед ним стояла девушка.

Невероятно красивая. Хрупкая и такая чистая с виду, невинная. Гладкие волосы цвета спелой пшеницы спадали на плечи. Большие, наивные глаза, слегка распахнуты от волнения. Такие доверчивые. Лицо – нежное, аккуратное, а кожа – светлая, ровная, будто фарфоровая.

Её красота не бросалась вызовом, не манила вульгарной сексуальностью. Она была иной – тихой, тонкой, почти наивной. Такой, от которой в глубине груди шевелилось что-то забытое, опасное.

Он видел её раньше – на фотографиях, которые приносили люди, следившие за каждым шагом Олега. Владислав всегда должен был знать всё: где его сын ночует, с кем встречается, что ест, что говорит, сколько выпивает. Наблюдение за его якобы сыном давно вошло в привычку.

Но фотографии не передали и десятой части её настоящего вида.

Эва была слишком живой. Слишком настоящей. И слишком... чистой.

Конечно, дочь того самого известного телевизионного проповедника Филиппа Громов, чья семья десятилетиями строила образ святости. Выросшая в строгости. Идеальная биография, отсутствие скандалов, безупречный образ верующей девушки, которая никогда не оставалась с мужчиной наедине до брака. И тем более – не должна была бы выйти замуж за сына Владислава Новицкого.

Владислав поднялся из кресла и подошёл неторопливо, будто приближался не к человеку, а к объекту оценки. Девушка не отвела взгляда, хотя в её осанке чувствовалась сдержанная настороженность – она ощущала опасность, ещё не понимая, откуда именно исходит угроза.

Он молча рассматривал её, и с каждой секундой в его взгляде становилось всё больше сосредоточенности. Что-то внутри него выстраивало план. Холодный. Выверенный. И в своей сути – жестокий.

Олег всегда был слабаком. Всю жизнь. И Владислав не раз размышлял, как избавиться от него – не обязательно физически... хотя, если быть честным, мысленно он обходил и этот путь. Но куда безопаснее было отрезать сына стратегически: чисто, тихо, без единого следа на репутации. Годы он ждал подходящего момента.

И вот он – стоял прямо перед ним.

В лице этой девушки.

Она была не просто красива. Она была возможностью. Оружием. И неожиданным искушением, которое взбудоражило в нём что-то давнее, тёмное, почти забытое.

Владислав почувствовал, как в глубине груди просыпается хищник. Тот, что долго спал – усталый, циничный, равнодушный. Но сейчас, глядя на эту хрупкую, чистую девушку, он будто ожил. Не только как мужчина. Как стратег.

Месть не должна была ограничиться одним отказом от сына. Она могла стать сложнее. Глубже. Медленнее. И куда болезненнее.

Во всех смыслах.

Эта девушка не виновата в чужих грехах. Но она сама выбрала Олега.

А значит – сама вошла в игру.

Ева немного наклонилась вперёд, собирая всё своё мужество в один тугой комок.

– Добрый день, господин Новицкий, – произнесла она тихо. Голос дрогнул, едва уловимо, но всё же выдал волнение.

Ева едва не отшатнулась, когда мужчина перевел на нее взгляд – не просто взглянул, а словно изучил, как рассматривают не человека, а вещь, которую нужно оценить. Его глаза были слишком спокойными, почти ненормально спокойными, и в них жил какой-то холодный огонь, похожий на тлеющий пепел после пожара.

В нём было что-то... хищное. Утончённое и опасное одновременно.

Его внешность могла бы свести с ума многих женщин, и, как бы она ни старалась сохранить ровное выражение лица, Ева почувствовала, как внутри что-то вздрогнуло. Это был вовсе не восторг – чистый инстинкт, та самая естественная реакция, с которой тело дрожит перед опасностью, замаскированной под красоту.

Владислав на свои года действительно выглядел невероятно. Статный, высокий, собранный мужчина в самом расцвете мужской силы. Широкие плечи, узкая талия, подчёркнутый каждым движением контроль – спокойный, уверенный, присущий тем, кто давно привык управлять всем вокруг себя.

Его лицо можно было назвать классически красивым – сильные скулы, прямая линия челюсти, губы слегка сжаты, но уравновешены. Лёгкая седина на висках не старила, а наоборот – добавляла ему чего-то благородного, подчёркивала тёмные волосы, аккуратно уложенные назад. Ни одной лишней детали, никакой суеты.

Он выглядел на сорок с небольшим, но в его взгляде жила глубина человека, давно оставившего позади юношеские иллюзии. Там были и опыт, и разочарование, и что-то ещё более тёмное – ненасытность, скрытая под сдержанностью.

Костюм сидел на нём безупречно, словно был сшит по его телу: тёмный, дорогой, в меру сдержанный, но в каждом шве чувствовалась власть и статус. От него пахло дорогим парфюмом – сухие древесные ноты вплетались в горьковатую свежесть, как вздох виски на льду.

И именно в этом контрасте – безупречная внешность и холодная, почти жестокая аура – скрывалась его настоящая сила. Это не была красота, которая просила взгляда. Это была красота, которая приказывала смотреть. И подчиняться.

Холодная дрожь прокатилась вдоль её позвоночника.

Она совсем иначе представляла себе отца Олега. В её воображении Владислав был суровым, но благородным мужчиной – сильным, с твёрдыми принципами. Но сейчас... в нём было что-то гораздо мощнее. Угрожающее. Как тень, которая нависает над всем.

И в этот момент всплыл в памяти разговор с её собственным отцом.

Когда она впервые решила рассказать ему об Олеге, о своих чувствах и о желании жить по-своему, за рамками жестких наставлений, он только нахмурился и сказал:

«Эта семья близка к дьяволу. А возможно, сам Владислав и есть дьявол в человеческом облике. Человек с таким состоянием не может быть чист душой. Забудь о нём. Забудь о парне. Я подберу тебе мужа из нашей общины – верующего, преданного, достойного. Ты не имеешь права портить свою душу из-за страстей».

Тогда она впервые почувствовала себя узницей.

Её жизнь была под контролем во всём – решения, шаги, отношения, даже мысли. И именно в этот момент, когда сердце кричало о любви, когда всё вокруг давило и ломало, она поддалась уговорам Олега сбежать.

Один раз в жизни позволила себе послушаться отца – и выбрала мужчину, которого любила больше всего.

И теперь вот они стояли здесь. Перед Владиславом Новицким. Ждали приговора.

Как оказалось, без денег отца у Олега не было ничего – ни собственного жилья, ни стабильной работы, способной обеспечивать их обоих. Ева узнала об этом уже после побега, но тогда верила, что любовь может проиграть быту.

Олег привёл её к отцу, надеясь на поддержку.

Потому что только благословение Новицкого могло гарантировать, что их брак состоится. У Владислава было столько власти, что одним словом он мог разлучить их навсегда, стоило ему лишь не принять Еву как невестку.

Владислав слегка улыбнулся уголками губ – почти незаметно.

Затем снова посмотрел на сына.

– Разочаровал ты меня, Олег, – наконец произнёс он. Голос был тихим, но каждое слово ложилось тяжело, будто удар.

Олег будто стал меньше.

Плечи опустились, взгляд скользнул в пол, губы сжались в тонкую линию.

Было слишком очевидно: слова отца значили для него всё. Владислав мог уничтожить его одним предложением – и он это прекрасно понимал. Но на этот раз что-то было иначе.

Владислав уже выстраивал в голове свой план.

– Но... – он сделал короткую паузу, – ты мой единственный наследник. И я не собираюсь передавать всё состояние алкашу-племяннику. Поэтому, хоть и без особого восторга... я принимаю ваш брак.

Олег вздрогнул. Облегчение, мелькнувшее в его глазах, было таким чистым, таким искренним, что Еве стало больно. Будто маленький мальчик вдруг получил то самое одобрение, которого ждал всю жизнь. Плечи его сразу распрямились – он будто снова поверил, что имеет право быть частью этой семьи.

Но радость длилась недолго.

– Есть одно условие, – добавил Владислав, и интонация его резко изменилась.

Холод скользнул в слова, как тонкая трещина по стеклу.

Олег этого не заметил.

Он слишком обрадовался, слишком хотел услышать «да».

– Всё что угодно, пап.

– Отныне ты подчиняешься мне во всём, – спокойно сказал Владислав. – Если хочешь моего прощения, ты должен его заслужить. И твоя жена тоже. Она должна пройти освоить основы, прежде чем я приму её в наш круг. Я позабочусь о том, чтобы её подготовили должным образом.

Ева вздрогнула, но промолчала.

Ощущение, что она попала не в семью, а во что-то куда более закрытое и опасное, стало ещё сильнее.

– Я устраю вам церемонию, – продолжил Владислав. – Она будет достойной имени Новицких. Там будут влиятельные люди, и Ева должна соответствовать статусу жены наследника. Поэтому свадьба состоится через две недели. Подготовка требует времени.

Олег нахмурился.

– Мы не можем так долго ждать. У Евы негде жить...

Владислав приподнял бровь, едва заметно.

– Я знаю, в какой среде она росла, – бросил он.

– Откуда?.. – растерянно спросил сын.

– Ты – мой наследник. И я всегда знаю, что происходит в твоей жизни, – спокойно ответил Владислав. – Я был в курсе твоей симпатии к этой девушке ещё задолго до того, как ты сам понял серьёзность своих намерений. Но не ожидал, что ты зайдёшь настолько далеко.

Ева бросила быстрый взгляд на Олега, ожидая хотя бы намёк на возмущение.

Но он... обрадовался. Его губы едва заметно дрогнули в слабой улыбке – словно он только что получил дорогую похвалу. Для него любое внимание отца было как подарок.

– Она поживёт в доме твоей тётки Ларисы, – продолжил Владислав. – Это поместье за городом. Спокойное, закрытое место, подальше от лишних глаз. Но вы не должны давать поводов для сплетен. Репутация Евы должна остаться безупречной. Особенно если она когда-нибудь захочет примириться со своим отцом.

Олег кивнул, но Владислав не счёл разговор завершённым:

– Поэтому ваши встречи будут ограничены. И никакой близости между вами до брака.

Ева вспыхнула багрянцем и опустила глаза.

Сердце поднялось к горлу, и она почувствовала, как воздух стал плотнее.

– Пап, можешь не упоминать об этом, – тихо сказал Олег. – Я обещал Еве, что всё произойдёт после свадьбы, как она хочет. Мы согласны на такие условия.

Ева снова чуть склонила голову, стараясь скрыть растерянность под маской покорности.

– Запомни, Олег, – голос Владислава стал жёстче, – ты больше не ребёнок. Ты – Новицкий. И должен соответствовать этому имени.

– Да, пап, – откликнулся он. В голосе чувствовалось и почтение, и трепет.

– Хорошо. Я предупрежу твою тетю, что Ева приедет сегодня.

Ева резко подняла взгляд.

Её будто обдало холодом – всё решено настолько быстро, что она не успела даже осознать, что происходит.

– Есть возражения? – спросил Владислав всё тем же спокойным, почти мягким тоном. Но под этой мягкостью чувствовалась сталь, не допускающая ни малейшего спора. – Насколько я понял, ты уже с чемоданами?

Олег тут же повернулся к ней, взял обе её руки в свои ладони. Держал бережно, но крепко – как будто хотел передать часть своей уверенности.

– Любимая... – его голос звучал тёпло, почти умоляюще. – Ты справишься? Ты не против?

Ее сердце забило сильнее. Ева взглянула на него и, несмотря на тревогу, кивнула. Сделала медленный вдох, пытаясь успокоиться, и робко улыбнулась.

– Конечно, справлюсь. Это всего лишь пара недель, верно? И... если честно, я даже рада. Меня всегда пугали большие мероприятия, все эти взгляды. А так у меня будет время привыкнуть. Подготовиться. Я не хочу тебя опозорить.

– Ты не можешь меня опозорить, – прошептал Олег, наклонился и коснулся её пальцев губами. – Ты – моя гордость.

У Евы непроизвольно дрогнули губы в мягкой улыбке, а в глазах вспыхнуло тёплое, искреннее чувство.

– Я постараюсь быть достойной твоего доверия... и своей будущей фамилии.

Олег мягко наклонился к ней и коснулся её губ лёгким, почти невесомым поцелуем. На секунду для них будто перестал существовать весь мир – только она и он, только это тихое прикосновение.

Они не заметили, как внимательно наблюдал за ними Владислав. Его взгляд был неподвижным, темнеющим, словно в нём отражалась тень. Это было не злость и не ревность – нечто глубже.

Собственническое. Хищное. Опасное.

Он смотрел на Еву так, будто она уже принадлежала ему. Как будто была частью созданного им плана.

И этот нежный поцелуй Олега – касание, полное юношеской любви и трепета – вызвал во Владиславе глухое раздражение. Тонкую, едва заметную, но пульсирующую ярость.

Когда Олег отстранился, взгляд Евы случайно встретился со взглядом Владислава. И что-то внутри неё резко сжалось.

Её улыбка исчезла сама собой. Холод – лёгкий, как сквозняк в пустом храме – прошёл по позвоночнику. Но этого было достаточно, чтобы сердце дрогнуло.

И впервые с тех пор, как она вошла в этот кабинет, Ева поняла: настоящее испытание ещё даже не началось.

Глава 2

Этот дом сразу показался ей чужим. В нем было слишком много пространства и слишком мало тепла. Высокие потолки, холодные, будто выточенные из мрамора, стены. Каждый шаг отдавался гулким эхом, от чего внутри что-то неприятно дергалось. Тишина в доме не успокаивала – наоборот, тревожила, напоминая взгляд хищника из тёмного угла, который просто ждёт удобного момента.

Ева стояла посреди холла, держась за ручку чемодана, и ещё слышала, как за окном хлопнула дверца машины. Олег уехал. Перед этим обнял её, прижал к себе и прошептал, что всё пройдёт быстро. Что тётя – строгая, но справедливая. Что скоро они снова будут вместе. Уже как семья.

Она кивала, улыбалась... но едва звук двигателя растворился вдаль, ощущение покинутости стало ползти по груди, сжимая сердце.

Тетя Лариса встретила её с улыбкой, в которой больше было холода, чем гостеприимства. Худошавая, изысканная, с острым лицом и взглядом, который пронизывал насквозь. Худошавая, утончённая, с острыми чертами и взглядом, который, казалось, видел больше, чем хотелось бы. В её манерах чувствовалась выверенная сдержанность, а каждое слово звучало чётко – будто острие ножа.

– Иди за мной, – коротко сказала она и развернулась, даже не проверив, идёт ли Ева следом.

Голос был не грубый, но отстранённый. Никакой злобы – просто сухая обязательность. Лариса двигалась, как королева, ведущая подданную, уверенно, легко, с поднятой головой.

А Ева молча следовала за ней, чувствуя, как с каждым шагом отходит от своей привычной жизни.

Комната, в которую её привели, оказалась просторной и по-своему красивой: высокие окна, тяжёлые шторы, мраморные вставки, гладкий лакированный пол.

И – огромная кровать.

Настоящая супружеская: массивное изголовье, идеально натянутое бельё, ровное, как стекло. Такая постель подошла бы для пары. Для влюблённых. Или... для любовников.

Но ведь ей четко сказали: Олегу не разрешено оставаться с ней здесь. Она должна быть одна.

Тогда зачем такая вместительная кровать?

Для одного человека эта комната казалась неестественно большой. И именно в этой избыточности было что-то тревожное. Что-то, что не имело отношения к комфорту.

Зачем такая роскошь? Такая... интимная подготовка?

Ева невольно напряглась. Снаружи всё выглядело идеально. Но внутри нарастало чувство, что в этой идеальности скрыто что-то неправильное.

Комната напоминала декорацию. Слишком продуманную, слишком готовую. Как сцена, на которой она должна была сыграть чью-то роль. Роль, которая ей не подходила. Она качнула головой, чтобы прогнать мысли, которые свернули не туда.

– Это будет твоя комната, – сказала Лариса, останавливаясь. – Вся одежда в шкафу для тебя. Если что-то не подойдёт – привезут другое. В ванной всё необходимое: косметика, уходовые средства, даже те, что используют в дорогих салонах.

Лариса обернулась, чуть наклонив голову:

– Владислав хочет, чтобы ты выглядела безупречно. Внешность – это статус. О коже, волосах, ногтях, эпиляции – всё позаботятся служанки. Медсестра будет приезжать регулярно. Следить за состоянием здоровья. Особенно женского.

Слова обожгли. Щеки Евы вспыхнули. Это не похоже на обычную заботу, а больше на инструктаж перед... чем-то другим. Будто её готовили не к свадьбе, а определенной роли в постели. И при этом всем говорили не об Олега, а его отца.

Она молча кивнула, хотя тревога уже поселилась где-то внутри, пульсируя, как глухой звон в животе.

– Владислав не терпит беспорядка. И не любит сплетен, – добавила Лариса, не глядя на неё. – Так что многое зависит от тебя. И то, как долго ты здесь пробудешь, – тоже.

Ева не знала, что ответить. Всё происходящее никак не напоминало временное размещение. Скорее – тщательно выстроенную ловушку.

Каждое слово Ларисы сводилось к одному: воля Владислава.

Его желания. Его решения. Его правила.

Его имя не звучало с угрозой, но оно висело в воздухе – тяжелое, как тень, падавшая на каждый уголок комнаты.

И тут в голове вспыхнула тревожная, почти стыдная мысль: то, что с ней происходит, совсем не похоже на обычную подготовку к жизни в новой семье, где будущую невестку обучают правилам этикета или поведения в светском обществе. Вместо этого всё выглядело как какая-то... интимная подготовка. Потому что так, в воображении Евы, готовят любовниц, а не будущих невесток.

И пугало больше всего внимание самого Владислава к каждой детали, его стремление контролировать ее внешность, здоровье, даже уход за телом. Все это создавало впечатление, будто ее готовят именно для него.

Нет. Нет, чёрт, нет.

Это уже полная чушь, Ева.

Твое воображение слишком разыгралось. Она устала, вымотана, выбита из привычной жизни – ещё вчера всё было иначе.

Владислав – ее будущий свекор. Он отец Олега. Да, суровый. Да, слишком властный. Но ведь...

Не мог же он...

Ева поспешно оттолкнула эту мысль, будто уличила себя в чём-то постыдном. Но сердце уже билось быстрее, а внутри, под самой кожей, жило что-то смутное, ещё не оформленное в слова, но очень реальное – и оно не давало покоя.

И всё же она пыталась утешить себя тем, что в этом доме будет не одна. Даже если тётя Лариса казалась холодной, её присутствие всё равно было лучше одиночества. Хотя каждый взгляд Ларисы больше напоминал скрытую оценку, а в улыбке иногда скользило едва заметное пренебрежение.

Но Ева подавляла свое напряжение. Она знала, зачем здесь. И для кого.

Ради Олега. Ради любви, которая перевернула ее жизнь. Ради мечты о будущем, где они будут счастливы. Ее любовь была чистой, упрямой, почти детской в своей вере в этого человека. Из-за нее она пошла против всего: против отца, против судьбы, которая была расписана для неё ещё до рождения.

Не просто папа, а телепроповедник, «голос Бога» с экранов, моральный ориентир для тысяч людей. А она – его дочь. Девочка, которую готовили к служению, к правильному браку, к безусловному послушанию.

Но теперь она здесь.

В доме Владислава Новицкого.

Миллиардера. Человека, чьё влияние давно выходило за пределы бизнеса – оно тянулось в политику, медиа, благотворительность, церковные круги. Его фамилию знали даже те, кто никогда не открывал новостей.

И если раньше ей казалось, что её отец – воплощение настоящей силы, то после встречи с Новицким она поняла: папа был лишь тенью.

Потому что настоящая власть жила не в громких словах. Она была в тишине, с которой входил Новицкий.

В его спокойствии, от которого становилось не по себе.

Во взгляде, от которого хотелось отвести глаза раньше, чем он успевал встретиться с твоим.

Ева глубоко вдохнула, стараясь взять себя в руки. Нужно успокоиться. Она просто устала, её воображение разыгралось. Это всего лишь новые обстоятельства, новые правила, к которым придётся привыкнуть. Она должна выдержать это испытание ради своей любви. Оно того стоит.

Да, здесь всё было иначе – строже, холоднее, чем она ожидала. Но пока ничего по-настоящему страшного не происходило. Всё под контролем. Ей просто нужно время, чтобы привыкнуть. А потом всё обязательно встанет на свои места.

В конце концов, это не тюрьма.

Лишь временный дисконфорт ради их с Олегом будущего.

Через некоторое время в комнату вошли служанки. Одна из них, улыбаясь, с лёгкой суетой в голосе сообщила, что к ужину у Евы будет гость, и ей следует выглядеть надлежащим образом.

– К вам сегодня придут, – добавила она как бы между прочим, но в интонации прозвучало что-то большее, чем обычная служебная вежливость. Почти намёк.

Ева на мгновение замерла.

А затем в её голове сразу же сложился единственный возможный ответ: Олег. Кто же ещё? Конечно, это он. Наверное, не выдержал, решил приехать раньше, увидеть её хотя бы за ужином.

От этой мысли в груди стало теплее.

Она без сопротивления позволила служанкам делать с собой всё, что те считали нужным. Их руки двигались быстро и бесшумно, слаженно, как в дорогом салоне. Волосы уложили мягкими волнами, аккуратно подкрутив концы. Лицо тронули лишь слегка – лёгкий макияж подчеркнул её природную нежность, не превращая её в кого-то другого. Кожу увлажнили тонким слоем ароматного масла, и она засияла едва заметным шёлковым блеском – тёплая, живая, почти соблазнительная.

Когда принесли платье, Ева замерла.

Это было совсем не то, к чему она привыкла. Для дочери проповедника – настоящий вызов. Платье будто было соткано из воздуха и намёка на запрет. Почти прозрачное, оно облегло её фигуру, как вторая кожа, оставляя слишком мало для воображения. Сквозь лёгкую ткань проступал каждый изгиб, каждый контур, словно проявленный светом. Оно едва прикрывало самое интимное, будто нарочно играя с гранью дозволенного.

Отец никогда бы не позволил ей даже платья без рукавов. А здесь – почти обнажённое тело, выставленное напоказ и подчёркнутое так, словно в этом и был весь смысл. Когда Ева надела платье, щёки вспыхнули, а сердце забилось быстрее. Впервые она увидела себя такой... обольстительной. И это одновременно пугало и сбивало с толку.

Но настоящим шоком стало отсутствие нормального белья.

Стринги – если их вообще можно было так назвать – больше напоминали иллюзию ткани: тонкий клочок шёлка, едва касающийся кожи и исчезающий между бёдер. Ощущения были странные – тревожные, неловкие и в то же время непривычно острые. Любое движение, каждый вдох воздуха казались слишком ощутимыми, слишком откровенными.

В зеркале она едва узнала себя.

Длинные распущенные волосы мягкими волнами спадали на плечи, как на обложке журнала. Лицо – нежное, немного растерянное, но удивительно красивое.

А тело... Тело выглядело так, словно принадлежало не ей, а героине какой-то запретной мечты.

Она выглядела как подарок. Роскошный. Беспомощный. Идеальный.

Эта мысль вспыхнула в её голове, как молния, заставила вздрогнуть и... улыбнуться про себя. Если бы отец увидел её сейчас – так одетую, открытую, почти выставленную напоказ, – он, наверное, просто лишился бы дара речи. А может, и вовсе схватился бы за сердце. Но ей было всё равно. Потому что впервые она чувствовала себя... живой. Не скрытой, не зажатой рамками и запретами. А желанной женщиной.

Её обнажённость не казалась ей унижением. Напротив, она чувствовала в этом силу. Она не игрушка, а дар. И этот дар предназначался не кому попало, а ему. Мужчине, которого она любила.

Эта мысль постепенно растворяла тревогу. Напряжение отступало. Она хотела быть для Олега именно такой – женственной, смелой, уверенной. Она знала, как долго он сдерживался, уважая её «нет». Знала, как они часами оставались просто в объятиях, с поцелуями, которые никогда не заходили дальше дозволенного.

И вот теперь, в этом платье, в этом своём новом ощущении себя, она без слов говорила ему:

Я готова. Подожди – и ты получишь всё это.

Она не протестовала, не смущалась своего вида. Наоборот – приняла его как знак. Её внешность стала ответом на его ожидание. Тихим, красивым обещанием: он – единственный, для кого она откроется полностью. И награда будет стоить ожидания.

И потому она ждала встречи с любимым со смешанным чувством волнения и тонкой, щемящей тревоги.

Глава 3

На ужин её повели молча – две служанки в чёрном, с опущенными глазами, словно участницы строгой процессии. Ни лишнего слова, ни лишнего движения. Ева шла между ними с едва заметным волнением. Руки сложены перед собой, пальцы нервно переплетены, но внутри теплилась надежда: впереди её ждёт что-то хорошее.

Когда дверь распахнулась, она шагнула в просторную, величественную столовую. В центре стоял круглый стол на двоих, накрытый тонким фарфором и хрусталём. Горели свечи. Их мягкое пламя отражалось в серебре приборов и играло на белоснежной скатерти, отбрасывая тёплые золотистые тени на стены. Атмосфера была интимной, почти праздничной.

Ева невольно улыбнулась.

Это, конечно, для неё сделал Олег. Наверное, уговорил тётю устроить что-то романтическое, чтобы поддержать её. Может, даже сумел убедить отца разрешить эту встречу вне строгого графика. Она ведь помнила: именно Владислав велел ограничить их свидания. Но Олег всегда умел уговаривать.

Её усадили на мягкий бархатный диван. Стол был накрыт так, будто напротив обязательно должен был кто-то сесть. Одна из служанок налила в бокал прохладную воду, другая молча поправила её волосы.

Свет свечей скользил по её телу, заставляя ткань платья мерцать, как жидкий шёлк, и в то же время подчёркивал каждый изгиб. Ткань предательски открывала грудь, тонко обрисовывала линию бёдер, колени светились под нежной прозрачностью. Она это знала. Сознвала. И всё же не прикрывалась. Наоборот – откинула волосы назад, обнажив шею и плечи. Щёки горели от стыда и волнения одновременно.

Она не сводила взгляд с двери. Сердце билось всё быстрее. Воображение уже рисовало Олега: как он войдёт, как его взгляд скользнёт по ней – удивлённый, очарованный... Она была уверена: этот момент он запомнит навсегда.

И тогда она услышала шаги в коридоре.

Тихие. Отдалённые.

Потом дверь едва слышно щёлкнула. Звук прошёл сквозь неё, как электрический разряд.

Ева улыбнулась... и замерла.

В комнату вошёл не Олег.

Сердце на мгновение оборвалось. Мир словно задержал дыхание.

Владислав.

Его фигура появилась в дверном проёме словно тень, материализовавшаяся из сгущённой ночи. Тёмный костюм, без галстука, верхняя пуговица рубашки расстёгнута – он выглядел слишком непринуждённо для официального ужина. И слишком спокойно. Но в каждом его движении чувствовалась хищная уверенность – не показная, а глубинная, будто врождённая, как память охотника.

Ева застыла.

Сбитая с толку.

Улыбка погасла, щёки побледнели, взгляд растерянно скользнул по его фигуре, будто она всё ещё надеялась увидеть рядом кого-то другого. Но в зале был только он.

И тишина. Такая плотная, что даже дыхание казалось слишком громким.

Владислав молча приближался. Его тёмные, сосредоточенные глаза буквально впивались в неё. Не спеша, с той неотвратимой жадностью, которая бывает у хищника, уже решившего, кто станет его добычей. Взгляд скользил по её телу, будто раздевая и запоминая каждую линию, каждый изгиб. От плеч – к груди, бёдрам, коленям...

В этом взгляде не было ни сомнений, ни стыда. Только желание. Прямое, хищное, не скрытое.

Ева почувствовала, как его глаза обжигают кожу сильнее пламени свечей. Где-то глубоко внутри что-то болезненно жалось. Тело напряглось, как натянутая струна. Она вдруг остро ощутила, насколько она открыта. Насколько уязвима перед ним.

Руки сами собой поднялись, чтобы прикрыть грудь, спрятаться от его взгляда. Она вскочила с дивана, сделала шаг назад, но его голос, ровный и властный, прозвучал так ясно, что заставил её остановиться:

– Сядь.

Ева села.

Тело не сопротивлялось. Оно просто... подчинилось. Как под гипнозом.

Внутри всё кричало. Голос разума бился, требовал – беги. Но ноги не двигались. Паника подкатывала к горлу тяжёлой волной. Сердце гулко отдавалось в груди, словно пыталось вырваться.

– Что вы... что вы здесь делаете? – выдавила она, и голос едва не сорвался.

Владислав остановился у стола. Его тень легла на пол, будто пытаясь накрыть его целиком. Он не ответил. Лишь снова окинул её взглядом – медленно, откровенно, без стыда и с явным удовольствием. А потом он сел напротив, со всей властью человека, который всегда сидит там, где хочет.

– Ты невероятно красива, – произнёс он ровно, почти с ноткой восхищения. – Сейчас редко встретишь таких. И чистых. И красивых одновременно. Хоть во что-то Олег всё-таки попал. Впервые за всю свою никчёмную жизнь.

Он произнёс имя сына с таким презрением, что Ева невольно вздрогнула.

– Обычно он таскал в дом мусор. Жалких, жадных, дешёвых девок. Таких же, как он сам. Подобное тянется к подобному. Но ты – другая. Ты... как подарок.

Ева смотрела на него растерянно. Губы чуть приоткрылись, мысли путались. Ещё минуту назад её воображение рисовало совсем иной ужин, иную встречу, иную реальность. Сознание словно запаздывало, не поспевая за происходящим.

– Я... я не понимаю...

Он улыбнулся. Медленно. Холодно. И в этой улыбке было что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание.

Это была не улыбка будущего свёкра.

Это была улыбка хищника.

– Где Олег? – прошептала Ева, цепляясь за последние крохи надежды.

Владислав рассмеялся. Низко, хрипло, с откровенным удовольствием. По коже побежали мурашки. Этот смех был не просто звуком – в нём слышалась угроза.

– Какая же ты... – он медленно провёл языком по зубам, задержав взгляд на её груди. – Невинная. Наивная. Он в командировке. Я позаботился об этом лично. Чтобы он не мешал.

– Не мешал чему? – её голос стал почти неслышным.

Он снова посмотрел на нее. Не как на человека. Как на свою собственность. Как на тело, которое еще не стало его – но вскоре станет.

– Как ты думаешь? – спросил он тихо, почти ласково.

Но глаза... глаза пылали жадой.

Ева снова поднялась. Инстинкт говорил ей: беги. Но его голос полоснул по воздуху, как удар:

– Я сказал – сядь. И слушай.

Приказ прозвучал так буднично, что в нём не осталось сомнений.

Она опустилась обратно на диван. Не потому что хотела – потому что не смогла не подчиниться.

– Я... я не понимаю, – вырвалось у неё сипло. – Я будущая жена вашего сына...

Это была последняя попытка ухватиться за границу, за мораль, за то, что должно его остановить. Но даже пока она говорила, внутри уже жила обречённость.

Владислав улыбнулся. Почти ласково. И от этой ласковости стало страшнее.

– Именно поэтому ты здесь, Ева, – сказал он спокойно. – Потому что ты принадлежишь моему сыну.

Он сделал короткую паузу.

– А всё, что принадлежит ему... сначала принадлежит мне.

Её дыхание сбилось.

– Уходите... или я закричу, – сказала она резко, с отчаянием, понимая, что в этом доме её крик ничего не изменит.

– Ты и так скоро закричишь, – ответил он ровно. Без злости. Без повышения голоса. – Когда я трахну тебя... забрав то, что ты так наивно хранила для моего сына.

Эти слова ударили сильнее любой пощёчины.

Зрачки Евы расширились, лицо будто побелело, каждый нерв задрожал. Страх прошёлся по коже холодной волной. Он это видел. И, что было страшнее всего, – наслаждался. Его возбуждал не столько её вид, сколько сам ужас в её глазах. Больших, растерянных, как у зверька, загнанного в угол.

– Я буду кричать! Я буду сопротивляться! Пожалуйста... Владислав, выйдите из комнаты! – она вцепилась пальцами в край дивана, изо всех сил сдерживая желание сорваться с места и бежать.

Он не ответил сразу, но спокойствие было пугающим.

– Ты ещё не понимаешь своего нового положения, – произнёс он с теми же ласковыми нотками. – Но я объясню. Не спеша, потому что я умею ждать.

Его взгляд потемнел, и воздух вокруг словно стал плотнее, как перед грозой.

– Ты не станешь женой моего сына, Ева. Потому что он – не мой родной сын. Он ублюдок. Следствие измены. Его мать, моя жена, трахалась с охранником. А когда я решил с ним вопрос, она в отместку уничтожила последнюю надежду на наследство – нашего ребёнка. Моего ребёнка. Она убила его ещё в утробе, бросившись под машину. За это она была наказана своей инвалидностью. Но я считаю, что этого для нее мало.

Ева смотрела на него, не в силах поверить. Слова не укладывались в голове – разум будто пытался вытолкнуть реальность прочь, как нечто ядовитое.

– А твой будущий муж, – продолжил он ровно, – всего лишь удобная фикция. Пустое место с чужой фамилией. Я держу его рядом лишь потому, что он мне сейчас нужен.

– Зачем... зачем вы мне это говорите? – прошептала она.

Он улыбнулся.

– Потому что я хотел, чтобы она знала, что именно я сделаю с её любимым сыном. Убить её было бы слишком милосердно.

Он медленно окинул Еву взглядом – спокойно, уверенно, без суеты.

– И вот... – добавил он негромко, – он влюбился. По-настоящему. Безрассудно.

Его голос на мгновение изменился – стал почти насмешливо-мягким.

– Ты бы слышала, как он говорил о тебе. С каким восторгом, с какими чувствами... У него горели глаза, когда он произносил твоё имя. Голос дрожал, как у мальчишки, впервые прикоснувшегося к чуду. Он верил, что наконец что-то обрёл. Что нашёл свою судьбу. Его мать счастлива. Он – счастлив. Только я – нет.

Ева с трудом сдерживала слёзы. Внутри всё скручивалось от бессилия, от ужаса, который начинал приобретать чёткие, страшные формы.

– При чём здесь я? – прошептала она. Губы дрогнули, голос едва не сорвался. – Я... я не могу это исправить. Я не могу сделать вас счастливыми...

– О нет, – спокойно ответил он. – Как раз ты можешь, Ева. Ты – мой шанс. Ты родишь мне наследника. Моего. Он будет думать, что это его ребёнок. Весь мир будет так думать. Но мы с тобой будем знать правду.

Он наклонился ближе, словно собираясь поделиться тайной.

– Достаточно одного раза. Всего одного. И если ты согласишься... твой Олег будет жить. Он увидит твою беременность. Поверит, что стал отцом. И никогда не узнает.

– Нет... – слово сорвалось с её губ едва слышно, хрупко, как стекло. Это был не просто отказ – это была судорога души, последняя попытка удержать себя от распада.

Ева сидела, оглушённая. В голове всё пульсировало – не от понимания, а от его невозможности. Сказанное не помещалось ни в какие рамки. Сознание отказывалось принимать реальность. Она не могла поверить, что эти чудовищные слова произносит человек, называющий себя отцом. Отцом её любимого. Тем, кто должен был быть примером. Защитой.

Глаза Евы расширились, лицо побледнело. Пальцы судорожно вцепились в ткань платья, будто оно могло её защитить. Каждая клетка сопротивлялась. Внутренний мир рушился.

– Вы... вы сумасшедший! – выкрикнула она, и голос прорвался резко, надрывно. – Это... это ужасно! Вы не имеете права!

Он лишь слегка наклонил голову, словно наслаждаясь её отчаянием. В его осанке была та самая непринуждённая сила, безусловная уверенность победителя – будто он не просто держал карты на руках, а уже давно выиграл партию. Его спокойствие не было маской. Это была тишина человека, который не сомневается в собственной власти. Он смотрел на неё так, как хищник смотрит на добычу, зная, что ей больше некуда бежать.

– Скажи мне, Ева, – его голос снова стал низким, почти интимным, и резанул тишину, как лезвие, – ты любишь его? По-настоящему любишь?

Она не смогла ответить. Только едва заметно кивнула. Глаза блеснули от слёз, зрачки были расширены, дыхание – сбивчивым.

– Насколько сильно? – продолжил он неторопливо. – Сильнее своей девственности? Сильнее своей чистоты? Стоит ли его жизнь твоего тела?

– Я... не понимаю... – выдохнула она, почти не в силах дышать.

Он улыбнулся шире. В полумраке комнаты блеснули его зубы.

– Внизу три человека. Без жалости и без вопросов. Они работают за большие деньги. Они могут устроить так, что твой будущий муж попадёт в аварию. Всё будет выглядеть как несчастный случай. Потом – сломленная мать, депрессия, инсульт. Медленная, аккуратная развязка.

Он произносил это спокойно, почти с удовольствием, словно описывал чужой, далёкий сценарий.

– Ты понимаешь, как работает система? – тихо добавил он. – Я уже всё просчитал.

Ева дрожала. Руки, ноги, даже голос казались чужими. Будто она сидела в другом теле и смотрела фильм, где главная героиня – она сама. Но с каждой секундой страх всё плотнее возвращал её к реальности.

– Но... – Владислав сделал паузу, – это может быть история не о чей-то смерти. А историей о рождении. Мой сын... от тебя... Олег будет думать, что это его победа. А на самом деле – моя.

Слова ударили в неё, как тяжёлый металл.

– Вы... вы монстр, – выдохнула она, скованная отчаянием.

– Нет, Ева, – спокойно ответил Владислав, делая шаг ближе. Она инстинктивно вжалась в спинку дивана, сердце забило где-то в горле. – Я тот, кто даёт тебе выбор.

Он смотрел прямо в её глаза. Не отводя взгляда. Не мигая.

– И ты сама решишь, кем тебе стать: вдовой моего сына...

Он намеренно замедлил голос, растягивая паузу.

– ...или матерью моего наследника.

Ева сидела неподвижно. Плечи больше не дрожали, взгляд не бегал. Но внутри что-то переломилось. Страх больше не метался – он застыл, оброс льдом, стал тяжёлым и звенящим, как сталь под пальцами.

Она больше не пыталась найти слова, которые ее бы успокоили. Она просто поняла одну вещь.

Он не блефовал.

И это было самое страшное – Владислав действительно мог сделать всё, о чём говорил. Без сомнений. Без сожаления. Без тени человечности. Он не стоял перед выбором между добром и злом – для себя он его сделал давно. И остановить его было невозможно.

– Ты можешь уйти прямо сейчас, – сказал он тихо, почти спокойно, как человек, который объясняет очевидное. – Вернуться к своему праведному отцу. К его пастве. К его молитвам и запретам.

Он сделал короткую паузу, позволяя ей представить это.

– А завтра ты прочтёшь в новостях о ДТП. Молодой парень не справился с управлением. Несчастный случай. Трагедия. Его мать это не переживёт. Инсульт. И всё.

Ева сжала кулаки. Пальцы судорожно впились в ткань платья, ладони онемели, будто в них перестала поступать кровь.

– А можешь остаться, – продолжил он ровно, – и сделать правильный выбор. Отдать мне своё тело.

Голос стал мягче, вязким, опасным:

– Я буду заботиться о нём, Ева. По-настоящему. Не так, как мальчик, которому ты позволила поцелуи. А как мужчина, который знает цену женщине. Ты почувствуешь разницу.

Он говорил это без спешки, с ленивым удовольствием. Для него это уже было не угрозой – а началом. Долгие годы ожидания сжимались в один решающий момент.

Ева.

Именно её имя теперь было частью его замысла.

Молодая. Невинная. Чистая.

Идеальная, как он считал, для единственной цели – родить ему наследника.

– Пожалуйста... не трогайте Олега... – голос сорвался. Она опустила на колени, почти не осознавая, как это произошло. Слезы хлынули сразу, обжигая щёки. – Пожалуйста...

Он посмотрел на неё сверху вниз.

– Любишь его? – в голосе не осталось ничего, кроме холодного, усталого сарказма.

– Больше жизни... – прошептала она. И это была правда. Слова резали изнутри, будто она произносила их не голосом, а болью.

– Тогда покажи, – сказал Владислав ровно. Без эмоций. Не как мужчина – как человек, который выносит приговор.

Он схватил ее за запястья, потянул вверх, чтобы толкнуть ее на диван, став перед ней и ожидая. Спокойный. Неподвижный. Ева резко села на край матраса. Ее плечи затряслись. Руки похолодели, а сердце билось, как сирена тревоги. Она смотрела на него снизу-вверх, не понимая, как мир за один день превратился из свадебной сказки в ночной кошмар.

– Не вижу действий, – сказал Владислав после паузы, – Значит, ты выбрала второй вариант. Меня это устраивает. Я уже давно мечтал стереть этого уroda с лица земли.

Он обернулся. Медленно двинулся к двери. И именно в этот момент у Евы прорвалось что-то... глубже, чем страх за себя.

– Остановитесь! – вырвалось у неё. Она вскочила на ноги.

Владислав остановился, а потом медленно обернулся. Его полуулыбка была победной.

– Ты забыла одно слово, – сказал он тихо, почти ласково. – «Господин».

Ева почувствовала, как ее тело обмякло. Как воля отступила.

– Господин... остановитесь. Я... я согласна, – еле выдавила она из себя.

Слезы катились по щекам, руки дрожали, когда она медленно потянулась к платью.

– Не так, – перебил он. Его голос стал острым, как лезвие. – Сначала повтори клятву полностью:

«Мой Господин, я согласна отдать вам свою невинность и свое тело».

Она задрожала еще сильнее. Глаза затуманились. Он как будто издевался, потому что знал, что значат в ее воспитании клятвы и такие слова. Но она стояла. Удивленная тем, как еще может держаться на ногах.

– Владислав... Мой Господин, я согласна... отдать вам свою... невинность... и свое тело...

– Хорошо. Прекрасно, – он подступил ближе. – Теперь продолжай: «Я буду послушная, подчинюсь любому приказу».

Ева стояла, как каменная. Глаза ее были затуманены, как после удара. Потом едва слышно, будто она говорила сквозь воду, произнесла:

– Я... буду послушная... и подчинюсь...

Глава 4

Еве казалось, что она жива только внешне. Внутри уже что-то сломалось. Всё, во что она верила, на чём держалась, осыпалось, как старая штукатурка, оставляя голые, уязвимые стены. Она дышала прерывисто, коротко, будто боялась вдохнуть глубже и сорваться в рыдания. Слёзы стояли в глазах, но она упрямо не позволяла им пролиться.

Владислав подошёл ближе. Спокойно. Неотвратно. Теперь между ними не осталось пространства, где можно было бы укрыться. Она чувствовала его присутствие кожей.

Его рука поднялась медленно, без суеты, с той неприятной точностью, с какой трогают вещь, уже принадлежащую себе. Пальцы скользнули по тонкой ткани ее платья, остановились на груди, мягко сжали ее вершины, чувствуя, как те трепетно отреагировали.

– Значит, досе не ошиблось... – тихо произнёс он. – Действительно не тронута. Неужели этот болван Олег так ни разу и не решился?

Ева сглотнула. В горле стоял комок. Казалось, воздух стал густым, тяжёлым.

– Отвечай, – голос стал жёстче.

– Он... уважал мой выбор, – выдохнула она.

– Мне нужен точный ответ, – он наклонился ближе. – Совсем не прикасался?

Молчание повисло между ними, плотное, как удавка. Лицо Евы горело стыдом, зрение мутнело от слёз. Она не могла заставить себя произнести это вслух. Это было слишком личное. А он тем временем опустил руку. Медленно, не отрывая от нее взгляда. Его пальцы просунулись вырез на боку, передвинулись к краю трусиков, отчего она резко втянула в себя воздух.

– Здесь? – шепот обжег ее ухо. – Он касался тебя здесь?

Ева молчала, скованная и униженная от его откровенно касания.

– Напомни мне, – прошептал он, – что ты только что пообещала?

Ее губы едва шевельнулись:

– Быть... послушной...

– Тогда отвечай, – его пальцы не остановились. Они двигались медленно, словно изучали ее телом каждый дрожащий сантиметр. Через тонкую ткань трусиков он уверенно водил своим пальцами, надавливая в нужных местах. Будто заставлял не только тело, но и разум сломаться.

– Несколько раз... – выдохнула она, голос дрожал, – Олег тоже... так делал. И однажды... пытался поцеловать... там. Но я была против.

Его рука замерла. Взгляд стал холоднее, тяжелее. Он резко перехватил её за подбородок, сжал пальцами так, что ей пришлось поднять глаза.

– С этого момента, – сказал он негромко, но каждое слово резало, – прикасаться к тебе имею право только я. Даже ты больше не имеешь право это делать. Никакого удовлетворения собственноручно. Мы заключили сделку, Ева. Жизнь Олега – в обмен на твоё тело. Теперь ты – моя собственность, как и твоё удовольствие.

Ева задрожала и медленно кивнула. Слишком медленно, будто тело сопротивлялось даже этому жесту.

И тогда Владислав наклонился и грубо, с откровенной жадной поцеловал ее. Его губы сомкнулись с ее губами так, что у нее перехватило дыхание. Она не отвечала. Просто застыла, позволяя ему властвовать над ней.

Он отстранился так же резко.

– Я сказал – отвечать, – голос упал ей в ухо глухо, угрожающе. – Если ты не начнёшь слушаться добровольно, мне придётся объяснять иначе. А ты уже поняла, что я не шучу.

Ева снова кивнула. Движение получилось пустым, механическим, как отклик чужого приказа. В груди всё сжалось до тупой боли. Но тело подчинялось. Потому что выбора больше не было.

Она подалась вперед, навстречу его губам. Коснулась их своими – несмело, со страхом, не как женщина, которая целует любимого, а как та, которая учится вязать петлю вокруг собственной шеи. Его губы оказались твердыми, неподвижными, как гранит. Он не отвечал – просто принимал ее прикосновение, наблюдая, как она пытается быть послушной. Как пытается правильно играть отведенную ей роль.

Ком подкатил к горлу, но она заставила себя не отстраняться. Наоборот – двигалась осторожнее, глубже. Ее губы стали мягче, слегка раскрылись. Она робко коснулась его языка, поиграла с ним. И только когда её робкое движение было принято, Владислав наконец сдвинулся. Его пальцы сомкнулись у неё на шее – не перекрывая дыхание, но достаточно жёстко, чтобы напомнить: он контролирует даже её пульс. А потом его язык устремился на встречу ее, заставляя раскрыть уста шире, отчего поцелуй стал более глубоким.

Он поглощал ее, проникал в нее, требовал полной отдачи. Она чувствовала, насколько он более опытен в этом, потому что ее никогда так не целовали. Это был дерзкий, чересчур интимный поцелуй, наполненный открытой жаждой. Это было завладение ею, как собственностью. Он втиснулся в нее всем телом, заставляя чувствовать каждый дюйм своей силы. Его язык вторгся в ее рот, словно хищник, не спрашивавший разрешения – брал то, что считал своим.

Совсем не как поцелуи Олега...

Олег был мягким. Несмелым. Останавливался, когда она отворачивала взгляд. Владислав наоборот требовал, чтобы она смотрела прямо в глаза. Отдавалась полностью.

Его руки скользнули по ее телу и остановились на груди. Ощутимо, уверенно, без тени колебания. Он сжал их сквозь тонкую ткань – не ласково, с неприкрытой властью. Как хозяин, который держит в руках свою собственность. Ее тело вздрогнуло. Не от боли, а от осознания, что он не сомневается в своем праве. Он начал ласкать вершины пальцами, заставляя их затвердеть.

Это было слишком греховно для Евы.

Каждое его прикосновение, каждое движение было резким контрастом с тем, что она знала раньше. Ее единственный опыт – с Олегом – был робким, нежным, всегда останавливался, когда она колебалась. Он проявлял большое уважение. Владислава не спрашивал. Он забирал. И при этом заставлял ее тело что-то чувствовать от этого.

Её сознание словно раскололось надвое. Одна часть отчаянно била тревогу: это неправильно, это насилие, это ломает её. Другая – судорожно цеплялась за единственную опору: ради Олега. Только ради него. И эта мысль, как закливание, удерживала её на месте.

Владислав оторвался от её губ, но не отступил. Его дыхание обожгло кожу на шее. Он скользнул ниже, оставляя на ней влажные, горячие следы – то поцелуем, то резким, почти болезненным прикусом. Не ласково. Отмечая. Как будто стремился оставить свой знак.

– Вот так... – тихо произнёс он. Голос был мягким, почти заботливым, и от этого становился ещё страшнее. – Такой ты и должна быть. Послушной.

Ева тяжело дышала. Грудь содрогалась, щеки горели. Кожа казалась слишком чувствительной, слишком остро реагировала на каждое прикосновение. Она чувствовала его хищную одержимость. И это пугало ее. Унижало. Но и заставляло подчиняться.

– Ты даже лучше, чем я представлял, – добавил он ей шепотом на ухо. Его голос был хриплым, дрожал от возбуждения... – Такая нежная, такая мягкая... Идеальная для роли моей любовницы. Твоя чистота – твое главное преимущество. А то, что этот жалкий ублюдок ничего тебе не показал... – он хрипло рассмеялся, облизал ее шею языком, как какой-то зверь – ... делает тебя еще более желанной. Я научу тебя всему. И в первую очередь как повиноваться и угождать мне.

Его пальцы скользнули по ее животу – медленно, холодно, словно раскаленное лезвие. Она вздрогнула, но не отшатнулась. Она не имела права. И ему это нравилось.

– Посмотри на меня, – сказал он тихо. Не просьба – приказ.

Ева медленно подняла глаза. Это движение далось ей почти через боль. Взгляд был мутным от слёз, стыда и отвращения, но он всё равно поймал его – жадно, цепко, будто впитывал её целиком.

– Знаешь, почему я не спешу, Ева? – прошептал он, обводя пальцем линию ее ключицы, – Потому что самая большая власть – это контроль. Я могу взять тебя прямо сейчас. Но пока не стану. Настоящая победа – когда твое тело познает все, что я смогу ему предложить и захочет еще. Когда отчаяние заставит тебя упасть к моим ногам.

Он сделал шаг назад и опёрся на край кресла, не садясь. Его поза была расслабленной, почти ленивой – как у хищника, которому не нужно торопиться за добычей. Она уже никуда не денется.

– Ты стоишь передо мной сломленная, – продолжил он почти мягко, – а в глазах всё ещё тлеет упрямство. Это даже... трогательно. Но бесполезно.

Его голос звучал спокойно, без нажима. И именно это спокойствие пугало сильнее любой угрозы. Это была чистая, холодная демонстрация власти.

– Хочешь, чтобы я остановился? – он наклонил голову, изучая её, будто примерял решение. – Правда хочешь? Скажи это. Громко. Уверенно. И я уйду.

Он сделал паузу, давая этим словам осесть.

– Но через минуту я позвоню вниз. И твой Олег проживёт ещё несколько дней. Может – неделю. У тебя есть выбор, Ева. Как у каждой женщины. Вот только все твои варианты одинаково правильны... для меня.

Ева молчала. Губы дрожали, она опустила голову и сжала кулаки так, что пальцы побелели. Тишина между ними была плотной, натянутой, как жила перед разрывом. Она давила сильнее любого крика.

– Вот теперь ты начинаешь понимать, – почти мягко сказал он, поднимаясь и снова подходя ближе. – В этом доме больше нет «тебя» и «твоего». Есть только я. И то, что я позволю тебе иметь.

Он наклонился, его дыхание вновь обожгло ей шею. Она вздрогнула, не в силах скрыть реакцию.

– Скажи, что ты принадлежишь мне.

Она молчала.

– Скажи это, Ева. И я позволю тебе спрятаться под одеяло ещё на одну ночь. В безопасности. Временно.

Она стояла, сжавшаяся, маленькая, загнанная в угол. Напряжённая до боли. Но ещё не сломанная.

Тогда он выпрямился и резко взял её за подбородок, заставляя поднять взгляд.

– Повтори. Ты принадлежишь мне.

По тому, как он это произнёс, она ясно поняла: либо подчинится – либо всё случится прямо сейчас. Голос сорвался, стал почти неслышным, как шёпот среди шума:

– Я... принадлежу вам...

Он медленно разжал пальцы, отпуская её.

– Видишь, – почти ласково сказал он, и на его губах мелькнула холодная улыбка. – А ты боялась, что не сможешь.

Он сделал паузу, нарочно затягивая её страх.

– Теперь подними платье и покажи, чем я владею.

Её глаза снова наполнились ужасом. Она не двинулась с места.

– Вы... обещали дать мне ночь, – прошептала она. – Временно...

– О, какая ты умница, – усмехнулся он тихо. – Всё запоминаешь с первого раза. Именно так. Временно.

А потом добавил, уже совсем другим тоном:

– Но сначала я просто покажу тебе, что тебя ждёт.

Его пальцы коснулись края тоненького лоскутка ткани – нижнего белья, которое трудно было так назвать. Он скользнул пальцами ниже, изучая ее нежные лепестки, гладкую сердцевину, словно драгоценное произведение, принадлежащее только ему. Она вздрогнула, но не отшатнулась.

– Ты такая мягкая... такая чистая. Еще немного – и ты начнешь понимать свое новое место.

Он наклонился ближе и прошептал:

– И тебе оно понравится.

Инстинктивно она покачала головой. Едва-едва, но этого хватило, чтобы он увидел. Владислав прищурился, словно хищник, заметивший последнюю попытку добычи сбежать.

– Тебе говорили, что в первый раз бывает больно? – его голос стал почти ласковым. И именно это пугало сильнее всего.

– Да... – выдохнула она.

– Ну что ж. В твоём случае – будет больно вдвойне. Во-первых, потому что ты девушка, которая никогда не знала мужчины. А во-вторых, я не из тех, кто ласкает. Я не был создан для нежности. И мои размеры совсем немаленькие.

Его пальцы стали жестче. Они скользили по ее плоти, не проникая глубоко, но унижая самым фактом вторжения. Ева задрожала – не от возбуждения, а от дискомфорта, от горького осознания, как чужие прикосновения вторгались туда, где ее должен был касаться только один мужчина. Олег.

Внезапно Владислав немного ввел в нее палец.

Она вскрикнула. Не громко – тихо, словно задушенный плач.

Его движение остановилось, упершись в тонкую преграду. Тень улыбки коснулась его губ. Он знал, что так будет – но подтверждение собственной рукой возбуждало его еще больше.

Он медленно вышел – а потом вошел снова. Еще раз. Еще раз. Добавил второй палец.

– Прошу... не надо... – задохнулась Ева, хватаясь за его руку, пытаясь хоть как-то остановить это движение.

Но Владислав даже не остановился. Лишь слегка поднял другую руку и сильно сжал ее щеки, заставляя посмотреть в его глаза.

– Какая нежная... – прошептал он. – А ты представь, что будет, когда вместо пальцев в тебе окажется что-то большее. И оно будет тверже.

Ева сжала веки.

– Молю вас... не надо...

Он наклонился к ее уху.

– Нет, Ева. Скоро ты сама будешь меня молить. И я даже позволю. Если будешь вести себя правильно.

Он вырвал пальцы из ее тела – внезапно. Она согнулась, обхватив живот больше от страха, чем от боли. Но он уже стоял, смотрел сверху, как на сломанную игрушку.

– Запомни, что это только начало. С завтрашнего дня ты начнешь привыкать. Ко мне. И к своей новой роли.

Он направился к двери. А перед выходом добавил:

– К роли женщины, которая принадлежит не моему сыну, а мне.

И только тогда ее ноги подкосились. Она упала на пол, обхватила себя руками и наконец дала волю слезам. Они текли горячими потоками, смешиваясь с дрожью, страхом и полным непониманием: как она вообще попала в этот кошмар.

Глава 5

Солнечный свет пробивался сквозь плотные гардины, словно робкая надежда, которой у Евы вообще не было. Утро не принесло ей покоя. Она лежала неподвижно, глядя в потолок так, будто пыталась провалиться в пустоту – туда, где не существовало вчерашнего вечера, боли, унижения... и той новой себя, которую она согласилась сыграть.

Тело казалось чужим – тяжелым, налитым свинцом. Любая попытка пошевелиться отзывалась глухой, тянущей болью, не столько физической, сколько внутренней. Мысли срывались одна за другой:

Это был сон. Просто кошмар.

Я не могла...

Я бы не позволила...

Я же...

Но она позволила. И память – ясная, обжигающая – не давала спрятаться ни в иллюзии.

Внезапно Ева резко села, словно ее дернули за невидимую нить. Сердце забилося быстро, дыхание перехватило. Одно решение вспыхнуло в голове:

Она должна поговорить с Олегом. Предупредить. Умолять забрать ее, увезти куда угодно. Им ведь не нужны роскошь и деньги, чтобы быть счастливыми...

Она протянула руку к тумбочке – и замерла. Поверхность была пуста.

Бросилась к чемодану, но не нашла его. Ни одной из ее вещей, которые она привезла с собой.

Зато гардероб был заполнен: шелк, кружево, дорогие духи, откровенное белье, платья, которые она никогда бы не выбрала сама. Все идеально подобранное. И всё – не ее.

Это был костюмный шкаф роли, которую ей назначили.

Для него. Владислава.

Отец был прав, когда назвал его Дьяволом. Внутри поднялся крик, такой сильный, что на мгновение ей показалось – он прорвется наружу. Но нет. Он остался внутри, горячим комком в горле, который мешал дышать.

Когда в дверь постучали, Ева даже не успела ответить. Молодая служанка вошла сама, держа поднос.

– Завтрак, госпожа, – произнесла она спокойно, не поднимая взгляда.

Ева оцепенела. Госпожа. Это слово прозвучало как издевка. Никто в этом доме не видел в ней хозяйку. Все прекрасно знали, для чего она здесь. Знали – и молчали.

– Где мои вещи? Мой телефон? – голос её дрогнул, но в нем еще оставалась попытка сопротивления.

– Хозяин приказал убрать всё, – ответила служанка ровно, будто говорила о чем-то обыденном. – Вам не понадобится ничего, кроме того, что здесь.

– Мне нужно позвонить. Я должна...

– Это тоже приказ, – перебила та всё с той же спокойной покорностью. – Никаких звонков.

Ева молча наблюдала, как девушка ставит поднос и так же бесшумно покидает комнату, не удостоив её даже мимолётным взглядом. Когда дверь захлопнулась, тишина снова накрыла пространство плотным, удушающим куполом. Еве вдруг отчетливо стало ясно: она не гостья... и даже не невеста. Она заключена здесь, как в клетке.

Завтрак остался нетронутым. Еда пахла дорого и аппетитно, но сама мысль о пище вызывала тошноту. Ева ходила по комнате кругами, как загнанное животное, которое ищет выход там, где его нет. Сердце билось тяжело, громко, словно в груди живёт чужая, больная птица, отчаянно хлопающая крыльями.

Прошли часы. Может, два, может, пять – она перестала ориентироваться во времени. Снова тихий стук. Дверь приоткрылась, и та же служанка вошла, держа в руках пакет и платье на вешалке. Нежный шёлк, дорогой крой – очередной костюм для её новой роли.

Служанка бережно повесила наряд, затем передала Еве белый конверт.

– Указания от хозяина, – произнесла она, всё так же не поднимая глаз.

Когда дверь закрылась, Ева разорвала конверт. Пальцы дрожали так сильно, что бумага едва не выскользнула из рук.

Внутри записка с несколько строчек.

«Сегодня вечером будет ужин в кругу семьи. Надень платье, которое я выбрал. Я познакомлю тебя с матерью твоего жениха. Будь очаровательной».

Подписи не было. Она и не требовалась.

Ева перечитала записку один раз... второй... третий. Смысл оставался прежним, но надежда с каждым прочтением будто становилась ощутимее, плотнее, реальнее.

Это же мама Олега... Ее будущая свекровь. Женщина, прожившая с Владиславом столько лет. Мысль казалась для Евы спасательным кругом. Если кто-то в этом доме и мог понимать, что он собой представляет... если кто-то в состоянии его остановить – хотя бы попытаться – это именно она.

Это был шанс.

Маленький. Хрупкий. Но шанс.

Ева понимала: она не имеет права рассказать правду Олегу. Это поставило бы его под прямую угрозу. Владислав не бросал слов на ветер. Каждая угроза, которую он озвучил, могла стать реальностью. И если Ева откроет правду, то не спасёт себя, убьёт его.

Но его мама...

Ольга могла вмешаться. Помочь. Когда увидит в ней жертву, которую нужно немедленно вывести из этого дома. Может быть, она все еще имела власть. Может быть, её слова могли пробить броню Владислава там, где сопротивление Евы только разжигало его жестокость.

Но едва в голове возникла эта надежда, образ Владислава снова всплыл – его лицо, тень от улыбки, хищный взгляд.

Монстр.

Но не просто монстр.

Монстр, который презирает собственного сына.

«Он не мой сын. Ублюдок. Плод измены».

Сердце Евы сжалось. Если это правда... если Олег узнает... Это сломает его. Он жил ради отцовского признания. Всю жизнь пытался быть достойным. Равнялся на него. Стремился доказать, что заслуживает. И не понимал, почему тот всегда был холодным, далеким, молчаливым. А теперь – узнает, что весь этот путь был построен на лжи. Что для Владислава он – никто. Эта правда сокрушит его мир, стерев с лица земли последнюю веру в себя.

А Владислав... неужели он действительно способен на убийство?

Ева закрыла глаза. Перед ней предстало его лицо. Эти ледяно-спокойные глаза. Тон голоса, в котором не было ни тени колебания. Его осанка – спокойная, уверенная, словно он имел право решать чужие судьбы.

Да. Он может.

Он уже придумал безумный, отвратительный план. Он хотел заставить ее родить ребенка. Его ребенка. А всему миру показать красивую картинку: беременность невесты его сына.

И самое страшное...

Она согласилась.

Ева снова зажмурилась. Внутри всё скрутилось в мучительный узел. Отвращение к себе пульсировало в горле, не давая дышать.

Как? Как она могла? Но ответ пришел мгновенно.

Ради Олега.

Ради единственного человека, которого она любит.

Её взгляд упал на платье, висящее рядом. Молочный цвет. Идеальный крой. Красивое – до жестокости. Пальцы скользнули по мягкой ткани, и в этот момент она впервые за весь день смогла выдохнуть.

Она еще не сдалась. У нее еще есть шанс. Она должна выдержать, чтобы вырваться из этого ада.

Вечером черный автомобиль вывез ее за территорию имения Ларисы и повез в неизвестном направлении. Она сидела, прижавшись к окну, держа дрожащие руки сложенными на коленях. Салон был мягкий, новый, с приглушенным запахом кожи и духов, который уже начал ассоциироваться с Владиславом – холодный, пряный, немного раздражающий.

Когда машина медленно въехала через огромные кованые ворота и остановилась у входа в величественный особняк, Ева непроизвольно вздрогнула.

Дверцу открыл не водитель.

Прежде чем она успела опомниться, рядом уже стоял он.

Владислав.

На лице – улыбка. Та самая, от которой у нее стыла кровь. Бдительная, хищная, уверенная. Он подал руку, и Ева, поколебавшись, вложила в неё свою. Но едва их пальцы соприкоснулись, Владислав резко потянул её ближе. Она не успела ни вдохнуть, ни отшатнуться. Его ладонь легла ей на затылок, и он поцеловал её – прямо в губы.

Не мимолётно.

Не «по-семейному».

Этот поцелуй был собственническим и намеренным. Горячие губы плотно прижались к её, чуть шершавые от щетины, с привкусом дорогого коньяка и сигарет. Его язык без церемоний скользнул внутрь, пробуя, исследуя, подчиняя. Одна его рука легла ей на талию, пальцы впились в ткань платья так, что она почувствовала каждый сустав; вторая – на затылок, фиксируя голову, не давая отстраниться ни на миллиметр. Он целовал её медленно, уверенно, будто имел на это полное право, будто она уже давно принадлежала ему.

Ее тело сжалось. От ужаса, стыда и унижения. Она замерла, не двигаясь, хотя больше всего желала вырваться из его рук. Мозг отказывался принять этот момент как реальный. Когда он отпустил ее, она сделала шаг назад, едва не споткнувшись о собственные ноги. Сердце билось дико, в висках – шум. Ее глаза метнулись по двору, потом к окнам. А вдруг кто-то увидел? Слуги или... Олег?

Владислав всё это заметил – и улыбнулся шире, словно наслаждался её реакцией.

– Расслабься, – не попросил, а приказал он. – К проявлениям моего желания придётся привыкнуть. Я не собираюсь прятаться в собственном доме.

Он чуть наклонился, понизив голос:

– Но сейчас нас никто не видел. Всё под контролем.

Ева всё же вырвала руку и поспешила отойти на несколько шагов, делая вид, что внимательно рассматривает дом. Поместье было другим – большим, строгим, старинным. Каменная кладка, медные крыши, колонны у парадного входа. Дом словно дышал своей историей, тяжёлой и величественной.

– Нравится? – спросил Владислав, подойдя ближе. Его голос стал мягким, почти домашним.

Как будто она была его любимой женщиной... и он ждал её восторга.

– Да... очень, – тихо ответила она, не отводя взгляда от фасада.

– Это наш родовой дом. Скоро ты будешь жить здесь. И растить нашего ребёнка, – добавил он буднично, словно говорил о выборе занавесок.

У Евы внутри всё перевернулось. Тошнота поднялась к горлу, но она успела выдавить слабую улыбку – хоть что-то, лишь бы он не прочёл правду по её лицу.

– Красивый... очень уютный, – соврала она.

– И надёжный, – уточнил он. – Здесь никто не помешает тебе быть той, кем я хочу тебя видеть.

Он коснулся её спины – лёгкое, но властное направление вперёд. Ева подчинилась. Они прошли через огромный холл, где каждая деталь, каждый светильник говорил о богатстве и безупречном вкусе. Затем – в столовую.

И тут Ева увидела её.

В центре комнаты, возле накрытого стола, стояла инвалидная коляска. В ней – женщина. Стройная, элегантная, с гордо приподнятой головой. Ее кожа была бледной, но ровной, ухоженной; волосы окрашены в каштановый цвет, выведены в безупречную причёску. Одета темное, изысканное платье, тонкий шелк окутывал ее фигуру с той самой педантичностью, с которой женщина, очевидно, привыкла держать себя в руках всю жизнь.

Лицо – заострённое, волевое. Красота сохранялась, хоть и стала более жёсткой, аристократичной. Это была женщина, к которой мужчины привыкли оглядываться. И даже теперь, лишённая возможности ходить, она всё равно излучала силу и особую харизму – ту, что заставляет окружающих держать спину ровнее.

Тонкие руки Ольги лежали на коленях, пальцы были переплетены в замкнутый, почти упрямый жест. Но главным были её глаза. Живые. Острые, словно тонкие лезвия, спрятанные под спокойной маской. Когда она взглянула на Еву, в этом взгляде мелькнуло напряжение – короткая, точная оценка. Взгляд, по которому она изучала ее и делала выводы.

Но ненависть была направлена не на Еву.

Взгляд Ольги, едва задержавшись на девушке, тут же впился во Владислава. Ледяной. Презрительный. Такой взгляд бывает только у человека, который много лет живёт рядом с врагом, которого ненавидит до дрожи, но не может уничтожить. Который каждое утро просыпается и представляет его конец – и только это даёт силы жить дальше.

Эта женщина в коляске была далека от слабости. Её тело было приковано, но дух оставался прямым, как сталь.

– Жена, я рад, что ты присоединилась к нам, – произнёс Владислав, не скрывая издевательской усмешки.

Ольга медленно повернула голову в его сторону. Ни страха. Ни попытки угодить. Только глубокая, усталая, выстрадавшая ненависть – та, что не выгорает, а наоборот, становится холоднее, тяжелее, острее с каждым годом.

– Ты не оставил мне выбора, – сказала она ровно. – Мои слова давно ничего не значат. Слуги больше не обращают внимания на мои просьбы. Они слушают только тебя.

Ева застыла. Слушала, словно боялась пропустить хоть одно слово. Она до сих пор не могла свыкнуться с тем, что в этой роскошной, почти театрально красивой комнате царит напряжение, от которого хотелось отступить к стене. Казалось, что одно неверное слово могло вспыхнуть, как искра, и разнести всё в прах.

Но больше всего её тревожило другое.

Она оглянулась – искала взглядом Олега. Странно, что его до сих пор не было. Разве он не должен быть здесь? Её глаза осторожно скользили по комнате, цепляясь за каждую деталь, надеясь увидеть знакомую фигуру. Но никого. Только Владислав и Ольга.

И тогда её взгляд упал на стол.

Три прибора.

Один прибор – для Владислава.

Другой – для Ольги.

И последний – для неё.

Три. Не четыре.

Сердце Евы болезненно сжалось. Это было как мгновение, когда правда уже стоит перед тобой, но ты еще пытаешься от неё отвернуться. В горле подступил тугой ком.

Олег не придёт.

Она отступила на шаг – непроизвольно, будто тело само пыталось уйти из этой комнаты. Но остановилась. В груди что-то сжалось, словно тугая пружина. И память услужливо подсунула ей вчерашние слова Владислава: «Я отправил его в командировку».

Теперь, после угроз, она боялась подумать дальше.

Вдруг эта «командировка» станет последней?

Владислав подошёл ближе и легко коснулся её спины – будто поддерживая. Но её тело замерло от этого прикосновения, словно от разряда тока.

– Прошу, проходи, дорогая моя, – произнёс он с той липкой любезностью, от которой по коже пробегали мурашки.

Ольга не сводила с Евы глаз. В её взгляде смешались удивление, тревога и напряжённое неверие. Она медленно нахмурилась, пыталась вспомнить... и вдруг в её взгляде мелькнуло узнавание.

– Ева?.. – её голос был тихим, хрипловатым, но живым. – Ты? Что ты здесь делаешь?

В этой короткой фразе было всё: узнавание, искреннее смятение... и тревожное понимание.

Она знала эту девушку. Помнила её лицо – то самое, которое Олег показывал ей на телефоне, едва скрывая гордость. Помнила, как он говорил о ней, как теплеет его голос при имени «Ева».

И теперь эта девушка стояла здесь. В этом доме.

Рядом с Владиславом.

А Владислав лишь тихо рассмеялся. Густо, низко. В этом смехе было холодное наслаждение хищника, который собирается показать свою добычу.

– Я привёл будущую невестку, – сказал он.

Не скрываясь, он провёл рукой по талии Евы. Медленно. Уверенно. Так не прикасаются к будущей невестке сына – так прикасаются к женщине, которую считают собственностью.

Глаза Ольги широко раскрылись.

Она резко перевела взгляд с побледневшей Евы на его руку. Её тонкие пальцы сжались, словно она пыталась удержать в себе поднимающийся шторм.

– Владислав... – её голос прозвучал как тихое, но твёрдое предупреждение. – Что ты задумал?

Он лишь улыбнулся. Почти ласково – но в глазах вспыхнуло темное, опасное удовольствие.

– Я? Всего лишь знакомлю вас, – произнёс он с непринужденной легкостью. – Будущая мать нашего внука должна стать частью нашей дружной семьи. Разве не так?

Ольга побледнела.

– Ты... с ума сошёл? – прошипела она, и голос дал трещину. – Она невеста твоего сына!

– Сына? – Владислав коротко рассмеялся, не убирая руки с талии Евы. – Я уже говорил, что он мне никто. А вот эта девушка – подарок судьбы. Возможно, единственное стоящее, что он когда-либо сделал.

Ева молчала, словно окаменев. Перед ней разворачивалась сцена, которая выглядела почти нереальной: женщина в инвалидном кресле – сильная, гордая, со стальным взглядом. Муж – хищник, который не скрывает своей власти. И она – маленькая тень между двумя силами, без права выбора и пути к спасению.

Глаза Ольги снова нашли её лицо. Теперь в них не было подозрения – только глубокая боль и быстро растущее понимание.

– Ева, дорогая... – тихо сказала она, едва слышно. – Что он тебе сделал?

– Я? – подхватил Владислав, растягивая слова с издевательским сладким тоном. – Вчера твой сын привёл её ко мне и сообщил, что они подали заявление. Ева покинула родительский дом ради него. Я дал своё благословение. И назначил дату свадьбы. Через две недели. Всё серьёзно.

Он чуть крепче притянул Еву к себе и, словно демонстрируя власть, тыльной стороной ладони медленно провёл по её щеке. Касание было не лаской – пробой почвы, словно он примерял её к себе.

– Это счастье, – продолжил он мягко, почти расслабленно. – Иметь такую красивую, молодую, плодовитую невестку. Она подарит нам отличного внука.

Ева сжалась под его рукой. Её щеки вспыхнули горячим стыдом. То, что он говорил это вслух, перед матерью мужчины, которого она любит, казалось кощунством. Она опустила взгляд в пол, стараясь скрыть дрожь.

Но где-то глубоко внутри, среди страха и унижения, теплилась слабая надежда:

Ольга поймёт. Ольга вмешается. Ольга защитит.

Однако женщина смотрела не на Владислава. Она смотрела только на Еву. Пристально. Долго. Её взгляд сузился, стал острым, словно разрезал тишину. В нем повис не озвученный вопрос.

Вопрос, на которой у Евы не было сил ответить.

– Владислав, прошу тебя... – начала Ольга медленно, удерживая голос от дрожи. – Что бы ты ни задумал – подумай о репутации. О нашем статусе. Если между ними что-то произошло, её отец уже в курсе. Скоро все узнают о поданном заявлении. Ты не можешь...

– Не могу что? – он прищурился, будто смакуя каждое слово. На лице появилась играющая тень – так кот смотрит на мышь, которая решила возразить.

Он наслаждался моментом. Ева – будущая жена сына, которого он давно перестал считать сыном – будет идеальным инструментом его мести. А Ольга... Ольга станет свидетелем его триумфа. Он хотел смотреть, как она ломается. Как рушится всё, ради чего она ещё держится за свою жизнь.

– Забавно, – сказал он, не отводя взгляда от Евы. – Вдруг ты вспылала рвением хранительницы морали. Ты опять вошла роль «госпожи Новицкой». Теперь тебя волнуют приличия... достоинство... статус. Но тебе не кажется, что ты немного опоздала?

Ольга вцепилась тонкими пальцами в подлокотники кресла. Суставы побелели. В её глазах горело не раскаяние – ярость, почти животная.

– Смотри внимательнее, – произнёс он тихо, кивая в сторону Евы. – Это лицо твоего поражения.

И он подвёл Еву к столу. Медленно. Властно. Как будто представлял трофей.

– Садись, – сказал коротко.

Ева опустилась на стул, будто её тело действовало само по себе. Владислав встал позади неё, так близко, что она слышала его дыхание у собственного уха. Чувствовала тепло его тела. Давление его взгляда.

– Думаешь, я не осмелюсь? Потому что она здесь? – прошептал он ей в ухо, и холод пробежал по её позвоночнику.

Она не двигалась. Она пыталась удержать хоть каплю контроля. Не показать страха. Не показать, что готова рухнуть.

Но он наклонился ближе... и резко прикусил её мочку уха.

Ева вздрогнула. Слезы мгновенно выступили в глазах. Стыд, унижение, страх – всё вспыхнуло разом, словно кожу обожгло изнутри. Она не решалась посмотреть на Ольгу. Не могла.

Руки Владислава опустились на её плечи – сначала мягко, потом сильнее. Он сжал их, будто хотел подмять её под себя, заставить согнуться, почувствовать маленькой.

Именно в этот момент Ольга сорвалась:

– Что ты делаешь?!

Её голос потрескался от всей смеси эмоций – отчаяния, гнева, отвращения.

Владислав с триумфом улыбнулся.

– Демонстрирую тебе, жена, – произнёс он с отвратительной, почти бархатной нежностью, – мою новую любовницу.

Его руки грубо скользнули вниз, сжимая грудь Евы сквозь тончайшую ткань платья, будто он демонстративно показывал: смотрите, что принадлежит мне.

– А также мать моего будущего ребёнка.

У Евы перехватило дыхание. Она сидела, словно парализованная – будто чужое тело удерживало её в кресле. Её мир сузился до двух точек: его рук и голоса.

Ольга молчала секунду. Только секунду. А затем её лицо исказилось – болью, яростью, чем-то таким глубоко человеческим, что у Евы защемило сердце.

Она открыла рот – сначала вышел только воздух. Ни звука. Потом, дрожащим шёпотом, сорвалось:

– Ты... зверь...

Владислав улыбнулся, не скрывая наслаждения. Теперь он играл в полную силу. Теперь он разрывал их обоих – мать и сына – через неё.

– Ты... не посмел... – Ольга дрожала вся; кожа на костяшках побелела от напряжения, руки вцепились в подлокотники коляски.

– Посмел, – тихо, торжествующе ответил он. – И посмею ещё. Не раз.

Он обнял Еву за шею – жест, похожий на объятие, но по сути – захват. Как будто он держал тонкую трепещущую птицу, которую мог раздавить одним движением. Его губы опустились на её шею – медленно, хищно, с тем намеренным давлением, которое не оставляет сомнений: это клеймо.

Ева вздрогнула и сжалась, будто холод прошёл по позвоночнику.

– Что скажешь ему? – прошептал Владислав, чуть слышно, но так, чтобы каждое слово врезалось в сознание. – Что его возлюбленная отдала свою девственность его... отцу?

Он усмехнулся, и Ева почувствовала движение его дыхания у основания шеи.

– Что пока он мечтает о первой брачной ночи, я забираю всё, что захочу?

Его рука скользнула ниже, медленно, нагло, будто ставя свою метку на её теле, и Ева едва удержалась от того, чтобы не отшатнуться.

А потом его голос изменился. Смягчился, стал ледяным, почти ласковым:

– Или, может, ты наконец скажешь ему правду, Ольга? – он наклонился чуть вперёд. – Скажешь, что я вообще не его отец?

Ольга резко повернула голову. Её глаза распахнулись шире, чем позволяла привычная маска хладнокровия. В них вспыхнули паника и гнев одновременно – как будто удар пришёлся прямо в грудь. На секунду она даже забыла, как дышать.

Всего несколько слов – и мир, который она годами удерживала на тонкой грани, начал рушиться.

Эта тайна была не просто позором. Она была щитом. Единственным. Хрупким, но жизненно важным. Пока все считали, что Олег – настоящий Новицкого, законный наследник, у её сына был шанс. Владислав мог его презирать, игнорировать, унижать – но не мог публично отказаться. Не мог признать измену жены. Это бы разрушило его собственный образ, его власть, его тщательно выстроенную репутацию.

Поэтому Олег оставался под его фамилией. Под его крышей. Под хоть какой-то защитой. Даже под ненавистью – но живой, в безопасности, частью империи, которую однажды мог унаследовать.

Расстаться с Ольгой Владислав тоже не мог. Не из любви – это чувство между ними умерло давно, если вообще существовало. А из-за обстоятельств. Она слишком много знала. Она – его единственный якорь для общества, «первая леди» семейной империи. Ослабленная болезнью, прикованная к креслу, но всё ещё значимая. Всё ещё важная фигура на шахматной доске.

А главное – она больше не могла подарить ему наследника. Дом не мог принять другую женщину. Ребёнка извне. Это был бы конец – разрушение образа идеального брака, конец легенды о семье Новицких. Это убило бы то, к чему он так яростно стремился.

И поэтому её слабость – беспомощное тело – была одновременно и его цепью. И её оружием.

Все эти годы она жила по принципу тишины. Ложь не ради себя – ради сына. Ради его будущего. Ради его права остаться Новицким. Каждая улыбка на публике, каждое слово в интервью, каждое молчание – тщательно продуманная стратегия. Она ходила по канату, натянутому над пропастью, и держалась только за эту тайну.

И вот сейчас – всего одна фраза Владислава, брошенная почти лениво, при свидетеле, при девушке, которую Олег любит... и весь её мир треснул.

Ольга понимала: сейчас рухнет не просто её надежда. Сейчас рухнет судьба её сына. Если правда выйдет наружу – это будет не удар, а казнь.

Имя Новицкий означало власть, статус, неприкосновенность. А без него...

Олег станет никем. Лишним. Удобной жертвой. Следующей целью.

– Ты... сказал это... при ней?! – её голос сорвался, дрогнул. – Ты... ты болен! Она... она не должна была знать!

– Но теперь знает, – спокойно, почти удовлетворённо произнёс Владислав, выпрямляясь. – И, как видишь, еще здесь. Не побежала рассказывать любимому эту новость. Ой, хотя у нее еще не было возможности. Твой сынок в командировке, а у нее нет телефона.

Ольга уставилась на Еву. Ее взгляд пылал от невысказанных вопросов, боли и – чего Ева не ожидала – сожаления. Но не к ней. К Олегу. К своему единственному сыну, которому она хранила эту ложь всю жизнь.

– Ты... не скажешь ему, – прошептала она, вцепившись пальцами в подлокотники. – Об этом... обо всем.

– Это зависит не от меня, – лениво перебил Владислав. – Она теперь – центр всей этой истории. Только она решает, что останется тайной, а что станет... трагедией.

Он прошелся по комнате медленно, остановившись у стола. Взял бокал и налил вина. Красное, как кровь.

Он прошёлся вдоль стола – медленно, неторопливо, как будто наслаждаясь каждым шагом. Взял бокал, налил вина. Красного. Тягучего. Почти как кровь.

– Но знаешь, я не переживаю, – сказал он, поднося бокал к губам. – Ева умная девушка. Она прекрасно понимает, что может потерять.

Он посмотрел на неё. Долго. Прямо. Тяжёлым, ледяным взглядом, от которого невозможно было отвести глаза.

Словно гвоздь вбивался ей под кожу.

– Не так ли, Ева?

Ева молчала. Она чувствовала, как челюсти сводит от напряжения. Ее ладони дрожали, скрытые в складках платья. В голове шумело. Эта ложь, которая сплела всю их жизнь в тугой узел, очень дорого ей стоила. Хотя она совсем не была к ней причастна.

Но Владислав ждал. И Ольга – тоже. Они хотели ее ответа.

– Да... – выдохнула Ева, едва различимо. – Я... знаю.
И после этих слов в комнате воцарилась тишина.
Тяжёлая. Тягучая.
Тишина перед обвалом, который неизбежно грянет.

Глава 6

Слуги появились так, будто все это время стояли за дверью, выжидая точный момент. Один за другим они вкатили сервировочный столик на колесах, накрытый безупречно выглаженной белой скатертью, расставили серебряные подносы с запечённым мясом, овощами, хрустальными соусниками. Воздух мгновенно наполнился запахами сливочного масла, чеснока и дорогих специй – густыми, тягучими, неуместными на фоне происходящего.

Ольга даже не моргнула. Лишь холодно кивнула ближайшей служанке:

– Отвезите меня в мою комнату. Немедленно.

Служанка уже взялась за ручки коляски, но Владислав произнёс спокойно – почти мягко, с ленивой уверенностью человека, чьё слово здесь закон:

– Оставь её. Мы ведь даже не начали ужин.

Руки служанки замерли. Она посмотрела на Ольгу, затем – на хозяина. Несколько секунд в комнате висела гнетущая пауза. Потом девушка медленно выпрямилась, отпустила ручки и, не сказав ни слова, отступила назад, словно сцена, только что разыгравшаяся, вовсе не существовала.

– Это семейный ужин, – добавил Владислав, неторопливо оглядывая стол, – и все должны присутствовать. До самого конца.

Ольга сжала челюсти. Мышцы на лице дрогнули, и через мгновение выдержка дала трещину. Она резко дернула плечом и заговорила дрожащим, надломленным голосом:

– Я сказала... отвезите меня в мою комнату! Мне плохо!

Крик прозвучал резко, почти выстрелом – высоким, наполненным отчаянием. Она начала судорожно втягивать воздух, будто он внезапно перестал доходить до лёгких, пальцы с силой впились в подлокотники коляски, так что побелели костяшки. Грудь тяжело вздымалась, глаза блестели – от слёз и ярости, которые она больше не могла сдерживать.

Но Владислав... рассмеялся.

Не громко. Не резко. С тем особым, спокойным удовольствием человека, который ясно видит: контроль не ускользает – наоборот, становится абсолютным.

– Правда? – он слегка приподнял бровь, и в уголках губ мелькнула почти незаметная улыбка.

Он наклонился вперёд, опираясь на спинку стула, и добавил тихо, но так, что смысл слов резанул сильнее крика:

– Хочешь, я вызову врача?

Может, тебе снова нужен успокоительный укол... как в прошлый раз?

Ольга вздрогнула.

Ева не сразу поняла, что именно вызвало эту реакцию, но заметила, как пальцы женщины резко сжались на подлокотнике коляски. На долю секунды её глаза расширились – так смотрят люди, которых накрывает внезапное, унижительное воспоминание. Что-то уже было. Что-то, чем Владислав сейчас сознательно угрожал.

Ева молча наблюдала, как воздух в комнате густеет. Слуги двигались слаженно, отточено – и при этом настороженно. Никто не поднимал глаз. Никто не задерживал взгляд ни на ком из присутствующих. Все опускали головы, делали вид, что заняты только своей работой.

Она вдруг ясно поняла: для них это не исключение. Это порядок. Так здесь живут.

Владислав сел рядом с Евой. Спокойно, без спешки, будто его место было именно здесь. Его рука легко потянулась к подносу. Он взял шпажку с виноградом и кусочком сыра и повернулся к ней с тем же ленивым, хищным спокойствием.

– Открой рот, дорогая, – произнёс он мягко. – Ты такая худенькая. Нужно есть.

Ева замерла. Пальцы судорожно сжали салфетку.

– Я могу сама... – тихо попыталась возразить она.

– Не сомневаюсь, – перебил он всё тем же ласковым тоном, в котором, однако, прозвучала сталь. – Но сейчас мне хочется сделать это самому.

Он поднёс шпажку ближе. Ева опустила взгляд. Руки дрожали. Несколько секунд тянулись мучительно долго – и всё же она открыла рот.

Сыр коснулся языка солёной нотой, виноград лопнул, растекаясь сладким соком. В этот момент ей показалось, что она глотает не еду – а собственное унижение.

– Видишь, Ольга? – с довольством сказал Владислав, поворачиваясь к жене. – Какая у нас послушная невестка. Тебе бы поучиться у неё манерам.

В его голосе сквозила откровенная насмешка. В глазах искрилось торжество. Каждый жест говорил за себя. Это была демонстрация власти, собственности, абсолютного контроля. Он смаковал мгновение, как окончательно выигранную партию.

Потом он откинулся на спинку стула и, не отрывая взгляда от Евы, добавил:

– А теперь... твоя очередь.

Накорми меня.

Он кивком указал на тарелку.

– Вон тот, треугольный, – сказал спокойно. – Но сначала обмакни в мёд.

Ева с трудом сглотнула – так, словно горло сжалось. Она потянулась к вилке, но Владислав тут же щёлкнул языком.

– Нет, – произнёс с притворным разочарованием. – Руками.

Она замерла. Медленно подняла на него взгляд – в нём смешались стыд, тревога и немой вопрос. Но возражений не последовало. Пальцы дрожали, когда она взяла кусочек сыра, осторожно коснулась вязкой, янтарной капли мёда и поднесла его к его губам.

Владислав не сводил с нее глаз. Он открыл рот и, вместо того, чтобы осторожно взять сыр, поймал его вместе с кончиками ее пальцев. Его язык коснулся кожи – обвел каждый сустав, каждый изгиб, медленно, как будто пробуя не еду, а ее. Тепло, влажно, унижительно. Ева вздрогнула всем телом и затаила дыхание. Он еще немного задержался, слегка пососал ее пальцы, прежде чем отпустить их, и только тогда начал жевать сыр. В уголках его губ появилась самодовольная улыбка.

– Очень сладко, – сказал он. – Как я люблю. И я знаю, Ева, что в тебе есть другая сладость. Та, что принадлежит мне. Я отведаю ее. Очень скоро.

Он произнёс это без спешки, почти лениво – как человек, уверенный, что время на его стороне.

Ольга резко выдохнула, будто получила пощёчину. Её пальцы впились в подлокотники коляски. Глаза горели яростью, но она молчала – слишком хорошо зная, что любое слово может быть использовано против неё.

Владислав перевёл на неё взгляд. В нём вспыхнул холодный блеск.

– Что, завидуешь, жена? – сказал он, растягивая слова, – Давно никто не заботился о твоей сладости? Может, поэтому ты такая сухая и никому не нужна? Может, поэтому ты стала такой... сухой. И никому не нужной.

Ева вздрогнула. В голосе Владислава было не просто презрение. Это была настоящая ненависть. Чистая, не прикрытая. Ольга задрожала, а потом сорвалась:

– Ты ублюдок. Моральный извращенец. Даже дьявол бы от тебя отвернулся.

Владислав рассмеялся – негромко, с удовольствием.

– Осторожнее, – сказал он лениво. – А то забудешь, что в нашей семье «урод» – это не я. Это твой сын. Потому что он не Новицкий.

Он сделал паузу, смакуя слова.

– Отродье охранника всегда остаётся отродьем. Что бы ты ни пыталась из него слепить.

Ева сидела, словно окаменев. Пальцы снова судорожно сжали салфетку, будто это был единственный якорь в реальности. Всё происходящее напоминало абсурдный театр: каждая реплика – как удар ниже пояса, каждый жест – демонстрация власти и подчинения. Она никогда не сталкивалась с такой семьёй. За фасадом безупречной репутации и роскоши скрывалась грязь, от которой внутри холодело.

К столу подошла служанка – невысокая, аккуратная, с идеально сложенным фартуком и опущенным взглядом. В руках она держала чёрный телефон с золотой окантовкой.

– Господин Владислав, звонок от помощника. Срочно, – произнесла она ровно, без эмоций.

Владислав неторопливо взял трубку. Несколько секунд слушал, не меняясь в лице. Затем его взгляд стал жёстче, на лбу пролегла едва заметная складка. Он поднялся из-за стола, по-прежнему молча, и уже у выхода бросил через плечо, обращаясь к Еве:

– Дела бизнеса, – сказал почти мягко, но в голосе всё равно звучал приказ. – Никто не покидает комнату, пока я не вернусь.

И, не дожидаясь ответа, вышел, оставив женщин одних.

Как только за Владиславом закрылась дверь, Ева резко наклонилась вперед, будто стягивала с себя последние остатки покорности. Голос сорвался – почти шёпот, но в нём было столько отчаяния, что слова резали слух.

– Госпожа Ольга... пожалуйста... – она сглотнула, заставляя себя продолжить. – Сделайте хоть что-нибудь. Я... я не хочу этого. Не хочу быть с ним. И... – дыхание сбилось, – мне страшно даже думать о том, чтобы родить от него ребёнка.

Ольга медленно подняла голову. В её глазах стояла мутная ярость – сдерживаемая, застарелая, выученная годами. Но взгляд оставался холодным, цепким, слишком внимательным, чтобы быть просто сочувственным.

– Тогда почему ты согласилась? – спросила она тихо, почти осторожно.

Ева не сразу заметила, что Ольга ждёт её ответа. Мысли путались, бились в голове, как птицы в клетке, в поисках хоть какого-то выхода из угла, куда её загнал Владислав. В этой партии он уже выиграл – хладнокровно, без усилий. Но битва... битва ещё не была окончена.

Она сжала руки на коленях так сильно, что побелели костяшки, и уставилась в пол, словно там можно было найти спасение.

– Потому что он угрожает Олегу... – наконец выдавила Ева. Голос дрожал, но она заставила себя говорить дальше. – Сказал, что... – тяжёлый глоток застрял в горле, – что ему осталось жить считанные дни. Он подробно описал, как это будет. Как его убьют. Я... я видела по его глазам, что он способен на это.

Ольга не ответила сразу. И в этой паузе Ева почувствовала себя под микроскопом – разобранной, изучаемой, лишённой защиты. Наконец женщина медленно произнесла:

– Ты согласилась ради моего сына. Потому что любишь его?

– Да, – прошептала Ева, не поднимая глаз. – Больше жизни. Я не могу допустить, чтобы с ним что-то случилось. Он не знает... – голос сорвался, – не знает, кем на самом деле является его отец.

Ольга медленно вздохнула и закрыла глаза. Но это был не жест сожаления, а скорее пауза человека, который просчитывает ходы. Судьба этой девушки волновала её меньше, чем будущее сына. Жаль, что любовь ее сына будет растоптана, но лучше это чем жизнь. А вот с будущим ребенком надо что-то делать. Мысль о нем кольнула неприятно, но Ольга тут же оттолкнула её. Она ещё не знала, как этому помешать, но знала главное: время нужно выиграть. Пусть эта девчонка отвлечёт Владислава, даст ему иллюзию победы. Хотя бы ненадолго.

– И не должен знать, – с отчаянием сказала она, открывая глаза. – Не сейчас. Он всю жизнь пытался заслужить его уважение. Его признание. Для Олега Владислав был богом. Если правда выйдет наружу – это его сломает. Уничтожит.

Она посмотрела на Еву внимательно, уже иначе – мягче по тону, но холоднее по сути. Слова звучали почти утешающе, но в них чувствовался расчёт.

– Не сопротивляйся, Ева. Делай то, что он говорит. Терпи. Мы обе... мы обязаны это сделать. Ради Олега. Ты уже сделала выбор. Единственно возможный.

Затем она чуть понизила голос:

– А теперь держись. Владислав опасен. И жесток. Я знаю это лучше всех.

Ольга опустила взгляд и медленно выдохнула, словно собираясь с силами.

– Я когда-то предала его, – сказала она тихо. – Не из страсти. Из пустоты. Из холода, в котором жила годами. Мне не хватало нежности, внимания... Я и представить не могла, что он превратит это в месть. Что посадит меня в эту коляску.

Она горько усмехнулась и слегка сжала подлокотники.

– Теперь я беспомощна перед этим монстром. Но...

Ева слушала, не перебивая. Слова застревали в горле, будто лёд. Она боялась даже вдохнуть глубже – вдруг не выдержит.

Ольга наклонилась к ней чуть ближе. В её голосе впервые прозвучало что-то живое – не только решимость, но и слабая, болезненная нежность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.